

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№
12

Рабочие в Батумском порту
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Специальный номер народов СССР

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Чернышевский
перекресток, д. 3/4. Тел. 3-95-83Гуляющие приветствия, написанные на ма-
шинке или чистые от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДЕВУШНИЧЬИЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ДЕПУТАТСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СЪЕЗДА МОЛОДЕЖИ
ИЗ ВО МОЛОДЕЖА ГИРДИЯ*

ПОДПИСНАЯ ТАБЛИЦА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 коп.	3 руб. 6 коп.
« 6 мес. — 12 «	1 « 90 «
« 3 « — 6 «	50 «
« 1 « — 2 «	25 «
Отдельный №	35 «

Подписку принимает Отдел Периодических
Изданий Изд-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 4/5

№ 12

И Ю Н Ъ

1927 г.

ВОСПИТАНИЕ ПРИНЦА

Рассказ В. ДОВБРЯНСКОГО

В рассказе «Воспитание принца» ярко показаны кушочки британской системы управления колониями. Герой рассказа — молодой индусский повелитель набоб аристократической британской «культуры», британизировался настолько, что перестал чувствовать себя индусом, предпочитая жить в роскоши и изнеженности индийских князьков, находившихся под нем индийской империи.

Набоб Правранкура умер. Деления об этом событии немедленно полетели в Лондон. По этому освещению событий, они имели целью привлечь из Лондона сына набоба, недавно окончившего Оксфордский университет и сейчас завершающего свое английское образование в правдой и потому чрезвычайно полезной в воспитательных отношениях жизнью в избранных кругах лондонского общества.

Молодой набоб был туповат от природы. Боги Индии уведели ему крупную этого божественного дава, вырвавшегося во времени, о котором имеет речь, в несколько тяжеловатую манерность. Повеления позволили ему принимать англичан вверья, подобно тому, как в детстве он принимал верья декоративную роскошь обстановки, рабство склонившихся слуг и пышные титулы, в изобилии рождавшиеся в залах и переходах дворца. Для него англичане были добрым союзником, поместившим из чувства благожелательной дружбы его отцу в тяжелых трудах по управлению краем. В отношении к нему у него отсутствовала любовь та нотка покровительственного превращения, которую старательно поддерживали над ним воспитатели в отношении к дворянскому чужаку и туземному населению. Он с удовольствием принял спланированное предложение отправиться в Англию для получения образования.

Оксфорд не разочаровал его. С добросовестностью отличающейся неперотрывной ум, он поглотил знания, которыми считали нужным его наплатить. Если бы от него потребовали, он стал бы даже и учеником, но его учителя были прекрасно осведомлены о той роли, которую ему предстояло играть в системе британского управления, и ограничили необходимым: ему внушили уважение к науке, особенно английской, к законам, особенно английским, к доброй старой английской морали и к хорошему обществу, определяющему, впрочем, уже не национальными признаками, а степенью усвоения особого стиля, размерами кошелек или роговловного лерва. Последнее было особенно приятно набобу, так как открывало ему доступ в кружки, перед которыми он чувствовал благоговейство, и позволяло сохраняться в неприсоединенности почти органическому превращению к черни.

Набоб был допущен в небольшую избранную группу, состоявшую из молодых представителей аристократических или плутократических семей. Раннюю очередь привлекли гербы и личиной книжки, они сторонились остальной массы студентов и жили обособленной жизнью, регулируемой сложной системой наследственных и классовых традиций. Хотя молодой набоб и не был знаком со всеми ее тонкостями, текущий свет в бане и княжеский титул поставили его под ее защиту, а отдельные погрешности против стиля получали оправдание в цвете его кожи.

Самой большой из этих привязанностей была дружба с молодым лордом Биконсфильдом. Последний происходил из рода, наименее типичной традицией которого было участие в управлении Индии. Его дед был вице-королем Индии, отец — министром по делам Индии. Достойный юноша был живым доказательством того удивительного факта, что в Англии даже жены министров хранят традиции суверенного достоинства его несомненно вугарскому стремлению к привязанности.

да по вопросам колониальной политики, но уже позволял себя полонником Шны¹, он даже повис на одном из разговоров² в доме отца со знаком Шны³ — круглым кроваво-красным пятном на лбу. Понятно, что молодой набоб был для него махонкой. В первый вечер лорд позвал его своими повелениями об Индии, во второй — торжественно декларировал свое увлечение джунглями, храмами и мудрецами Индии, а в третий — объявил себя неразумным другом набоба. Последнее дало ему возможность возмутить его с собою, аргументом демонстрируя свое увлечение Индией. Это же увлечение его⁴ авторитет, подобно тому, как, например, хотя бы шлоное знакомство со знаменитым писателем ему позволяло им выступить в роли неопределенных оракулов.

Привязавшись к молодому лорду со всей силой своего темперамента, набоб отправился с ним после окончания университета в Лондон, где делал под его руководством окончательную шифровку в избранных кругах, организованных под знаком красоты, галки и ума, т. е. на строгом выборе выраженной одежды, выражений лица и выражений мысли. Он был принят в этот круг, ему прошли погрешности, вернее, даже не замечали их: ведь у него был оловянный цвет лица и он был богат. Первой причиной было достаточно, чтобы его заметили, — авторитет, чтобы его признали. Его знали на бесконечные рауты. На театральных премьерах он сидел в первом ряду партера. Его портрет писал самый модный в сезоне художник. Постепенно он утрачивал угловатость и даже

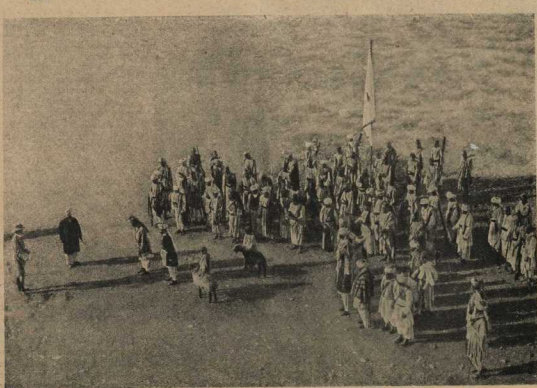
¹ Инд. божество² Бал

начинал, правда, еще неуловимо, флиртовать с наиболее предприимчивыми и тезушек, успешных оценить всю поверхность его сообразительности и всю глубину его кошелек.

Телеграмма, известившая набоба о смерти отца и привязавшая его на родину, была для него ударом. Он, впрочем, вероятно не последовал бы призыву, несмотря на горе о потери, если бы на сцену не выступили высшие законы в лице старшего лорда Биконсфильда. Последний, правда, в исключительно мягкой форме, наполнил ему о долге перед родиной, о невозможности возмущения на английском резиденте всю тяжесть управления областью, хотя он, без сомнения, не откажет в совете и помощи, и о лесных других правни, с которыми старая английская мораль приходила в полную мизанту на помощь новой английской политике. Молодой набоб привик поочинился. В утешение он получил твердое обещание своего дяди посылить его не позже, чем через полгода.

Верный, как истый британский дивантльмен, данному слову, молодой лорд Биконсфильд явился к набобу в назначенный срок. Его точность была достойна похвалы, тем более, что он не позволил себе отсчитываться в пути, чтобы поучие разглядеть эту удивительную страну. Он утешил себя мыслью, что его друг покажет ему настоящую Индию, приподмет мистическую завесу, скрывающую тайники от обмысленных туристов.

Он был поэтому немного неприятно поражен обстановкой, которую нашёл при приезде. Молодой набоб ни во дворе, как две капли виски нашему нашему загорелому дворянскому знати Во внутреннем убранстве он тщательно убито

Индусский вассальный князь представляет английскому наместнику отряды национальных войск

жил всякое указание на местный колорит. Мебель, паркет, обои, декоративные украшения,—ничто не носило на себе следов его влияния. Даже мажорда индусский божок, стоявший на камине одной из гостиных, казался случайным приобретением коллекционера, как-будто вывезенным из далекой страны и тоскующим в одиночестве.

После встречи и дружеских приветствий, за завтраком, во время которого им присуждали англичане, лорд отдал два своему удивлению.

— Мой друг,—сказал он,—Индия—чуждая страна. Почему вы прываете от меня индусов?

Молодой набоб привал в то скрытый кабинет. Он улыбнулся и ответил:

— Туземцы неопытны. Настоящим слугой может быть только англичанин. Впрочем, я отправил десюток наиболее способных в Англию. Надеюсь, их вышлют так, что нельзя будет в них узнать индусов.

Лорд засмеялся.

— Однако,—сказал он,—эти английские физиономии успею мне опровергнуть дома. Вы должны мне показать индусов в Индии. Настоящую Индию, и притом до самых сокровенных уголков.

Набоб сделал знак.

— Уверю вас, дорогой друг,—сказал он серьезно,—в ней нет ничего привлекательного. Грязные люди и грязные нравы—все ее содержание. Впрочем, в попытку вас все, что могу,...

И он перешел к рассказам об университетских товарищах и лондонских знакомых, обнаруживая такой живой интерес и темперамент, что лорд не мог отходить в сторону.

Остаток дня был отведен отдыху, партии в теннис и обеду. Вечером молодой набоб крепко жал другу руку и говорил ему с искренним увлечением:

Первый раз за эти полгода я начинаю чувствовать себя индусским человеком. Вы не представляете себе, как я одинок здесь, в этой проклятой дыре. Ни одного живого человека. Даже ваш резидент гораздо более индус, чем я. Он знает тем, что читает мне ежедневно нотации за то, что я не общаюсь с индусским обществом, как-будто это можно назвать обществом.

Лорд Биконофильд был далеко не в таком восторге, как его хозяин. Он был даже несколько разочарован тем, что Индия как бы пряталась от него уже в первый день приезда.

На следующий день друзья сделали небольшую прогулку на автомобиле по окрестностям, во время которой набоб давал краткие, полупрезрительные объяснения, он называл здания, стараясь как-будто, чтобы не запечатлеть,

не задержаться на них взглядом. Несколько серых полуголых фигур бросились в сторону от мотора: набоб делал какждый раз презрительную гримасу. Стобы пыли подымались по дороге, окутывая одиознейшим туманом качающиеся здания, какие-то хижины и ослепая сухим налетом на поорежанных деревьях. Запахаясь от пыли, жары и досады, лорд сообразил вернуться во дворец. Положительно, Индия ускользала от него. Все же он был упрям, как истый британец, и потому должен был увидеть то, что заранее решил видеть. По ту вечер, пропуская мимо ушей пришедшие воспоминания набоба, о предпоследней встрече с другой мисс Картер, он неожиданно спросил его:

— У вас все, есть, есть гарем, дру мой?

Набоб был застигнут врасплох.

— Да,—ответил он,—но в нем только две европеянки.

И снова вдохнул, вспоминая, что из этих двух одна была немой, другая—француженка, а тогдашний Моллер, торгующий агент с каким-то неопределенным кругом деятельности, до сих пор не исполнил обещания подписать договор с англичанкой, которой страстно жаждало лондонское тешествое набоба. Через секунду он спохватился:

— Если вы соскучились без женского общества,—сказал он,—мы можем отправиться к ним. Но лорд Биконофильд уже несся, как пролетающая гончая по обнаруженному следу.

— Нет, нет,—воскликнул он,—мы навестим всех наших жем.

Набоб не мог и не хотел забыть друга отказать.

Европейские жены занимали отдельные помещения, состоявшие из нескольких комнат, и старались держаться как светские дамы, внося, впрочем, в этот стиль оттенки, свойственные индивидуальности и темпераменту каждой. Француженка мило и не очень вульгарно констатировала о набобе, одновременно с искусством, свидетельствованном о хорошей школе, свершая обещанным взглядом в сторону гостя. Немка была серьезна, чувствительна, строга к своим и во нраве переполнена сознанием долга и собственной значительности: с готем она заговорила о Шопенгауэре, как известно, высоко ценящим Индию. Лорд сократил визит до минимума.

Туземные менаи набоб жила все вместе. Это были настороженнейшие зверьки, в большинстве своем девочки, блестящие полудикими глазами и множеством драгоценных камней, шестилетние яркими, синими, желтыми, зелеными, красными шелками и звенящие широкими серебряными поясами. Их гладкие от ароматных масел тела были как раз того оттенка, который белотелый англичанин объявлял совершенным. Он видел то, что заранее решил увидеть, и не замечал поэтому их, посылая, сверхзащиточный взгляд.

Проникнув в «европейку», лорд попытался приручить его пленниц. Сначала испуганные посещением, менаи набоба пугливо жалась и тревожно глядели друг на друга, лишь изредка бросая быстрый взгляд на посетителя. Уверившись, что англичанин не сделает им зла, они осмелели, и мало-по-малу компания стала давать некоторый англо-индусский антураж, словами, произносимыми громким шопотом, движениями гибких тел и все чаще сверкающими взглядами. Одна из девочек, наиболее безстрашная, дошла даже до того, что, приблизившись к лорду, свидетельствовала своим красными пальцами с выкрашенными в яркий красный цвет ногтями качество материи на его брюках, поспрашивая о выкрашенном ярким браслете, как покуртам, встретившим ее выходку смехом и завистливыми шопотами. Вероятно, общее веселье достигло бы значительных размеров, если бы не присутствие набоба, в сторону которого они бросали время от времени нехотуемо испуганные взгляды, после чего шум на мгновение смолкал. Набоб был изловчен. Он сидел зловония ноту

Экзотика в домостроении—храмовые танцовщицы из черного горба (так называют туземные хатили Калькутты)

за ногу, и не сводил с потогла неподвижного, как и он сам, взгляда.

Лорд был в восторге. Перед прошанном на ночь он жал руку другу значительно крепче, чем накануне. Набоб отвечал ему слабо: он был крайне утомлен.

Утром следующего дня лорд Биконофильд посетил английского резидента. Полковник Николай, проживавший в Индии три четверти жизни и до такой степени не усвоивший специфики индийской политики, что считал себя в праве доложить о некоторых тактических нововведениях, сказал ему:

— Там в Лондоне вы зарания нашего набоба самой уязвимой в военных условиях болезнью—англией. Представьте себе, что он случайно не желает считаться с традициями, обычаями и нравами страны. Он игнорирует Индию из своего дворца, хотя прямая следствие этого должно было быть то, что Индия начала бы его из двора. И это бы непременно случилось, если бы здесь не было нас. Подумайте, что в то время, как мы отравляем ее фанатизмом,—полковник Николай имел в виду индийских националистов,—выбрасывает из Ломов решительно все, на чем лежит английская печать, и ходит голый, чтобы только не помянуть английской ткани,—их господина раз ездает с шофером-англичанином на английском автомобиле, который давит кур и детей, окружает себя индийскими слугами и не покупает себе ни одного индуса. Уверю вас, не скандал в вашей степи непростит. Сидите—ваш друг. Поляйте на него в этом отношении, иначе он будет для нас не только бесполезен, но даже вреден.

Лорд Биконофильд был англичанин. Потому он обещал, тем более, что это отнюдь не его собственным планам. Он взял у полковника, обещавшего шумливейшую зарплату по части индусских развлечений и анатома местных нравов, длинный список учреждений, которые надо было посетить, и правдивость, которые можно было организовать.

В тот же день вечером лорд обратился к набобу с просьбой отправиться с ним в храм Шива, чтобы посмотреть там в зале Туманки колесню пляска храмовых танцовщиц.

Такие казенно-перенасы имеются в индийских городах, расположенных на берегах Ганга. Отобиде—в дни религиозных торжеств—фанатики бросаются в священную воду Ганга, отбывая себя в жертву святыням же крохотлиам

Поездка в храм доставила лорду множество впечатлений. Как и следовало ожидать, он не забыл веновой грязи, груд помета, развешивавшихся на веточках сена, воловских и лошадиных и людских, окруживших себя каллами свешенной и святой воды из пруда. Зато он видел величественную арку ворот, ведущих в святилище, храмовых сплоск с красными платями Шивы на лбу, верблюдов, которые опирались перед набобом и ним на колени, марморное величие Груды Лотоса, золотые купола усыпанных и знаменитую поховку. Динагерраута, под колесами которой неогляги погибли, сросаясь с песнями, сотни верблюда. А когда зал «Тысячи колонн» зашумел сотни бесповозно котлящих сестильников и перед ним под звуки алдской кассинон, называемой туземными музикантами в чаду и геме двигались десятки бешотых тел, сплоск по-братски равностойными камнями и платями, ему оказалось, что это лучше всех зрителей, которые ему приходилось видеть, зато ганошвиши ограничивались тем, что отступали и потом вновь приближались к зрителям. В этот вечер он не дад набобу сказать ни одного слова, затова его своим восхищением по поводу зрелища и анализом дела, которые его послужная память творила уже дома.

Затем началось. На правах гостя и друга лорд забросал набоба просьбами, исполнению ко-

торых занимало большую часть дня, а остальную заплюдили восторги лорда перед зрелищами. У набоба не оставалось времени ни для протеста, ни для босса на дороге его сердцу тема. Они были на охоте на тигров. Они были на охоте на слоны. Они охотились с гепардами на газелей. Они устраивали конские состязания и игру в шахматы с живыми фигурами. Они устраивали представление труппы паров и пляски мальчиков из Безджидистана. Они смотрели на фангоров, игоф и заминателей змей, пытавшихся прорваться друг друга сверхестественностью фокусов. Бельный набоб, почти насильно принужденный соприкасаться с неанастойей ему сродной и обстановой, был привлечен этим обилием зрелищ. Он, правда, почти не видел между ними различия, но его умело восхищение гостя и его способность часами восторгаться самыми обидными и глубоко неинтересными фактами. Он не мог понять этого, а лорд не позволял ему замучиваться, требуя все новых и новых развлечений. Набоб был не в силах заставить свой мозг охладить проскакивавшее. Он подчинился, двигаясь, как во сне, позволяя возить себя с тупой покорностью, обремененной на бессмысленное движение, раскрывая глаза, которые уже ничего не видели.

Через месяц лорд Виконсфилд, убедившись, что он запасао материалом, по крайней мере на целый лондонский сезон, уехал. Он простился

с набобом, выразив ему самую теплую и горячую признательность и постоюра упоисание когда-то завяление о вечной дружбе. Перед отъездом полковник Никольсон заявил лорду, что он за один месяц сделал для края больше, чем набоб за полгода. И лорд отбыл, унося с собой приятные воспоминания и чувство исполненного долга.

После его отъезда набоб три дня был мрачен, задумчив и одинок. Он мучительно пытался разрешить какую-то загадку, хотя и не умел даже формулировать ее отчетливо. На третий день, вечером, он нашел разрешение. Это было, впрочем, не слово, а действие. Дело обстоило так.

К нему явился торговый агент, добившийся, наконец, согласия влово какого-то английского офицера на то, чтобы разведать высшее знание подгугри набоба с французской и немецкой представителницами. Он принес с собой окончательный проект договора, отговаривавшего материальные условия соглашения. Его ухватывалось лишь выражение удовлетворенн от осанания океанной набобу услуги и крупного вознаграждения за нее.

Только одну секунду держал набоб а руках проект. Неожиданным движением, с чувством внезапного душевного облегчения он разорвал бумагу и, шмыгуя ее обрывки в лицо агенту, крикнул потоки запыхався:

— Вою отпусти!

КОМСОМ ОЛ НА КРЫШЕ МИРА

На четыре тысячи метров над уровнем моря возвышаются плоскогорья Памира; оно известно под именем «Крыши мира».

Еще в древнейшие времена, на заре человеческой истории, через это мрачное, безлюдное плато пробирались в богатую пышную Азию длинные караваны римских купцов. Дикие громады Тянь-Шаня и Гинду-Куша представляли для караванов непреодолимые препятствия, поэтому-то и шли караваны через «Крышу мира», которая являлась гигантским мотом, перекинутым через горные громады. Проторенной дорожкой купеческих верблюдов воспользовались впоследствии христианские и магометанские проповедники, потянувшиеся в азиатскую Азию с проповедью креста и полумесяца.

Памир стал важнейшим пунктом столкновения «азиатских интересов», крупнейшим узлом азиатской политики двух хищников: Британского королевства и царской России.

Потому-то и держалась так крепко за это унылое плоскогорье царская Россия, потому-то и поаппалала с неузданной, чудовищной жестокостью освободительные движения туземцев. Лучшие царские генералы, самые славные витязи вухлгавого орла посылались на удушение всякой попытке к раскрепощению со стороны населения горных областей Памира и Ферганы.

Когда в 1875—76 г. вспыхнула так называемая «Священная война», оккупованная кокаандцами Россия, на усмирение мятежников был послан молодой, но талантливый полковник Скобелев, будущий герой Шинки и Плевны, будущий «белый генерал».

За блестящее подавление мятежа Скобелев был произведен в генералы, а кокаандцы наводло утратили всякую охоту к восстанию и сопротивлением «белому царю».

Много десятилетий гуляли свирепые, упрямые ветры по каменистой пустыне, залывая зимой все плоскогорья тучными чудовищными бурянами, что, по свидетельству многих исследователей, обита на Памире людей «решительно невозможно».

Однако, жили и живут на Памире упрямые, обветренные люди, которые бо-

рются с лесными медведями и леопардами и дружат с ветрами и лохматыми овнами, и невылазные, бездонные снега отрезали «Крышу мира» от всего осязательного мира.

Комсомольцы из Бартаиной долины

Потому-то и не знали ничего путного о событиях в России до самого лета ошачшие горные пастухи.

С первыми ласточками начали прилетать на Памир невероятные, жуткие слухи, которые решались передавать друг другу только тишающим шопотом, только на ухо,—до того они были чудовищны и призрачны.

А потом пошли гулять по Фергану дикие табуны басмачей, и снова на цыле

годы отрезали Памир от всего, что делалось в далекой России, и до самого 23 года с тоской гадали на запад пастухи и гадали, кто придет оттуда: «белый генерал» или свобода.

И только когда последних ферганских басмачей разогнали и перебили, ожил Памир. Поднялась молодежь. Зажигала работа. Вскоре по области уже создалось 12 комсомольских ячеек, было образовано областное бюро. Тяжелым камнем болталась на ногах молодой организации вековая забытая расская некультурность, неграмотность, непролазная дичь традиций и суевений.

Предоставленная сама себе, организация два длинных года провела в страшной неравной борьбе за новую жизнь. «Законь отцов» оказалась слишком живучими и тяжелыми, чтобы их могла свергнуть и скинуть с высоты четырех тысяч метров горсточка фанатичной молодежи. В 1925 г. комсомол Памира начал развиваться, и лишь к 1927 году он переживет вторую волну роста.

28 января 1927 года в областном центре Памира—Хороге—была созвана областная конференция комсомоло. Упрямые, фанатичные дети пастухов оказались достойными детьми и свободной «Крыши мира»!

По глубочайшим снегам, без дорог, по безлюдной пустыне шли и ехали делегаты на конференцию, в мороз, доходящий до 35—40°

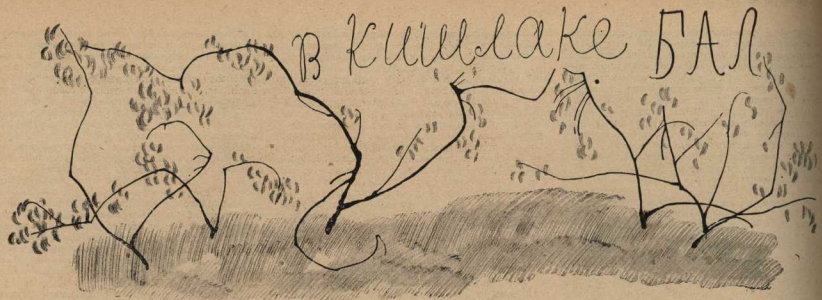

Рис.нас В. КАРЫШЕВА Рис. А. БРЕЯ

Во время скитаний моих по Туркестану приехал я в маленький кишлак Бал, где меня приняли, как и везде на Востоке, с необычайным гостеприимством и радушием.

Не так давно покинул я Самарканд, ошеломивший меня дивным великолепием старинных мечетей и мавзолеев. Ночами любил я ходить на Регистан, смотреть, как яркая луна играет на обшитоных голубой шалью минаретах. Черные тени падали на землю, деревья изредка нарушали тишину страстных воплем и видно было подчас, как на вершинах священной горы Афросиаб блуждали огоньки.

Все это осталось позади.

И пыльное великолепие старинных мечетей, и яркие, радужные огоньки в чай-канах, и вечерние гуляния в русском городе под всемогущие медные переливы оркестра. Гуляния, от которых бежал я, слома голову, в извильности переулочки старого города, чтобы в их непередаваемой прелесть найти забвение от самовольства и пошлости гуляющих самаркандских обывателей.

В кишлаке было тихо.

Широко поднимались громадные зеленые корни карагачей, в тени которых играли голенькие ребята. Домики, сделанные из глины, осливались с желтой пустыни. Необычайно голубое небо, ясное без единого облачка, казалось, валилось на кишлак, как зоркая падающая стена.

После самаркандской суеты отыскал я в патриархальной тишине, изредка нарушаемой надрынным плачем ишак или протяжным воплем гулянь, беседующую с аллахом в закятный час. Иногда прохрючет кто-то, что вот завтра состоится общее собрание по древне мечети, а у Рахим-Али утром совершат обряды первенца.

Затихнет голос, и снова тишина.

Думалось мне, что в этой покойной тишине невозможны сильные страсти, глубокий порыв,

необыкновенные подвиги. Думая так, я ошибался и вскоре узнал о своей ошибке. С тем большим удовольствием расскажу я о кишлаке Бал.

Дни, как чад над очагом.

Когда выходил я на орошения, в неясной дали ревели горы и деревья. Вся пустыня струилась, насыщенная зноем. С тоской и надеждой смотрел яруг мой Абдаллах на белесое обещанной жарой небо и переводил взгляд на высушенные солнцем поля, где зацветал хлопок.

Подходило время, когда надо было пустить на поля воду, но аркны перебрались, каждая капля воды становилась громадной ценостью. «Когда солнце целует землю—капли воды как драгоценные камни»,—сказано в книге Восточной Мудрости.

Вышел я, как блекнут под палящими лучами нежные всходы хлопка, как сорохиваются листья, бурют и отмирают. С бесконечной тоской смотрел Абдаллах на свое поле, аккуратно обнесенное глиняной стеной, и говорил мне:

— Аллах гневается. Вы, русские, говорите, что аллах нет и каждый человек должен иметь адаха в голове своей. Плох мой аллах. Ничего не придумает ему. Снажи, что делать?

— Ну что я мог сказать? А он смотрел на меня с такой надеждой, точно и впрямь я мог чем-нибудь помочь ему.

Тянулись страшные дни засухи.

Дни, о которых в книге Восточной Мудрости говорится: «И вот идут дни страшные, как клинок нижадала, горячие, как ненависть в сердце мстителя, дурманящие, как трубка опиума. Тогда тревога, как являющая змея, заползает в сердца правопорвных, и радость покидает их, как девушка—родителя в день замужества».

По вечерам в чай-кана собирались узбеки, чтобы за чашкой терпкого мок-чая поговорить о своем горе. Их бронзовые лица тоской подблескивали при неясном свете керосиновой лампы, которую каждый вечер заигнал чаханшидик.

Молча тянули узбеки зеленяватый чай, и ночь плыла над кишлаком в яркой мишуре звезд.

Сода приходил Тулли, ненавидимый, презираемый всеми и властный. Сознавая свою силу, он гордо свалился на ковер и вобранным ливневым ртом принимал плоскую палу от чаханшидика, в которой колебалась изуродованная жидкость.

Он видел глупые, полные ненависти и злобы, но старался не замечать их. Был он, как зверища, мал и упрямый, и зеленые глаза его блеснули так, что он прикрывал их тонкими, прозрачными веками, чтобы не смущать покой тех, кого встречал. И передавали шопотом о наговорах, о дурном глазе, о тайной силе маленького Тулли, который за хорошую плату мог вымечать страшную, обезображивающую лешинку, извлечь из тела большого ринту, отогнать лихорадку. Он мог заставить полюбить и разлюбить... Он знал страшные наговоры и заклинания... В его доле вносили страшные растения, точно летучие мыши на покое.

И был Тулли мираб.

Мираб—заводящий водой. Это от него зависело распределение драгоценной влаги, он записывал в очередь узбеков, он пускал воду на их поля. Он мог послать засуху и вызвать дождь. Так говорили. Говорили, что засуха Тулли выгоняет, и ненавидели его, соль и терпачь, когда он проходил.

Каждый день прибавлял горячи в сердца узбеков. Земля стала бурой и покрывалась корой,

Хлопок погибал без воды. С бесконечной тоской смотрели узбеки на свои поля.

Каждый день Тулли пускал воду на чье-нибудь поле. Крошечные струи воды проникали по бесчисленным канальчикам в длинные уголки поля, и на глазах хлопок начинал зеленеть. Но драматически Говорили, что в соседних кишлаках зноем остались без воды, потому бить первым очередь стало вопросом исключительной важности.

И Тулли торговал очередями.

— Хуже! Он торговал водой, пускал ее по воде на поля богачей, так что, когда утром приходил к араку, он был пуст, и поля бедняков выжались. Но уже такова покорность мусульман срабу и аллаху. Узбеки ненавидели и боялись маленького Тулли.

Жил в кишлаке Бал стройный юноша Султан-Заде.

С ним любил я ходить вечером, когда жара спадала, на околицы кишлака. Желтые помы, заигнаны небо, и розовые отсветы падали в землю.

Султан-Заде учился в Ташкенте. На отвороте его халата прикрывал маленький красный флажок с надписью «КИМ». Лето проводил в поле, в розовом кишлаке. Он вел какую-то, право, не знаю какую, общественную работу и... любил. «Любовь—это глоток воды в жаркий полдень, он утолляет мышцы и придает силы»,—говорится в книге Восточной Мудрости, которую переводил для меня в те дни кошачий мулла.

Во время наших прогулок говорил Султан-Заде о чернойлоти Аише и перманентной революции. У него странно переплетались похвалы любимой девушке с цитатами из последних книг. Но забывал друг мой и о речах, и об Аише, ведь захватила речь о воде. Сан белышка, он смертельно ненавидел Тулли. Его поля обречены были на гибель. Где достать бакинши, чтобы уместилась старую обещанку?

Мне была непонятна эта власть мираба над населением, но нужно принять во внимание культурную отсталость населения, светлую веру и адала, необычайную покорность. Женщины хорили, закутанные в паранджи, с лицами, закрытыми плотной сеткой из конского волоса, и жутко было глядеть на их фигуры...

Однажды Султан-Заде поддел меня к заспанной песком и хлоп камане.

— Звесь был канал,—сказал он,—давно, еще когда хромой Тимур со злобыи поличшими шел по Туркестану. Тысячи верев воды катились по этому каналу, давая жизнь растениям, оживая страну.

— А теперь?

— Теперь? Канал засорился, когда я был еще в утробе матери. Мирабам невезетого, чтобы вода было довольно. Кто знает? Не ни сам его и слышал? Шарома власти поддерживали мираба, а они богатели на нашем горе.

— Но неужели нельзя его исправить?

— Можно. Нужно много денег и много людей.

Султан-Заде нашел много людей, которые бы даже решились бороться со страшным блестяще-засухой.

Это были такие же, как он, юноши, горячие олим с ним огнем, носившие в сердцах свои пламенные веры в грядущее счастье.

В жаркой полдень с лесными вышми они к старому каналу, который, по преданию, был вырыт еще хромым Тимуром, громным завоевателем Узбекистана.

Был он мал и упрямый, и зеленые глаза его блеснули как хищница

Золотились солнечные дали, а небо поблело и жары, стало белым у горизонтов и повсюду застилалась степь—покойная и величественная.

Как кресты, валились комсомольцы в землю. Я ходил смотреть на их работу. Они разошлись в широких просторах бесконечной степи, залитой солнечными лучами. Полуголые, бронзовые, они работали без устали и только под струйками обледа по их обожженным спинам. Порюю казалось мне, что именно такие люди воздвигали в Египте пирамиды. Как древние египтяне подымали на руках титанические глыбы, так простой лопатой выкапывали узбеки в гущу земли, чтобы оросить ее истинные просторы.

Было и так: Налетела буря и долго дул горячий ветер из Голодной Степи, а когда пришла к каналу, он наполнился заносенным песком.

Старые узбеки качали головами и шептали:

— Тулли! Он тоже пришел, смотрел на работу комсомольца и долго шептал. На него смотрели с священным ужасом. На утро канал оказался засыпанным. Говорили о шайтане, poslanном Тулли.

Сверкнули глаза Султан-Заде:

— Знаю я этого шайтана, доберусь по нему! Снова шел он в степь, в бдаль в землю, а молда причтели его усталым, говорили:

— Пусть хоть одна капля воды потечет по каналу. Не узнали мы не сможем доказать старой обезьяне, что и без его армян напоим землю. Кто знает, быть-может в центре обратят внимание в помогут нам?..

Снова они брались за тяжелые метены, лоплы и ведро.

Убеждал в бесконечность канал и закрывалось невольное сомнение.

По вечерам, когда становилось прохладно и дула с минирета явля правозерных к вечерней молитве, Султан-Заде похлопал по мне, распрощав меня о далекой Москве и мечтал.

Он видел, как поток воды потечет по каналу, как воскреснут всходы, как ороится высушенная земля.

— И это, ведь, не на день, но на два,—говорил он,—мне дадим воду земле на много лет. Я начинал верить в успех его дела. Пусть началась эта работа неуспеваемой, пусть сплоским милоды были друзья Султан-Заде. Их подьем, их воодушевление, их горячие желание помочь ровную краю были залогом победы.

Тулли мешал.

Он не был так глуп, чтобы не понимать, что канал лишился его всех доходов. Он селая злые шептали, учил узбеков не пускать детей на неурочное аллаху дело.

Султан-Заде горячился и в минуты гнева шептал:

— Погоди, старая обезьяна. Я справлюсь с тобой. Ты еще поплачешь у меня.

Обстоятельства привели к этому раньше, чем что-либо ожидал.

В этот тихий, прозрачный вечер сидел я у мулда и записывал перевод из книги Восточной Мудрости.

Молодая луна взошла над невидимым минаретом.

— Хвала аллаху!—говорил мулда, воля урм старческого пальцем по рукописной книге.—Кала аллаху! Пришел мудрый имам Абу-Абдаллах-Бурейда к магмету и спросил его, что есть сон? Сон,—ответил пророк,—это забвение, которое дает аллах человеку, это отдым, прибавляющий силы, это вода, смывающая грязь с мозга и освежающая его. Истинно так, сказал мудрый Абу-Абдаллах-Бурейда, но во сие человек не может славословить бога, и видит образы, вопиющие и греховные? Лучше видеть греховные образы во сне, чем творить грех в жизни,—ответил Магмет, и спавший имам склонил голову перед его старостью. Хвала аллаху!—мулда перевернул страницу, и снова взглянул на меня.

— Залисан?

— Залисан.

Но в эту минуту вбежал Султан-Заде и, заикаясь, сказал мне:

— Народ волнуется! Сильно волнуется.

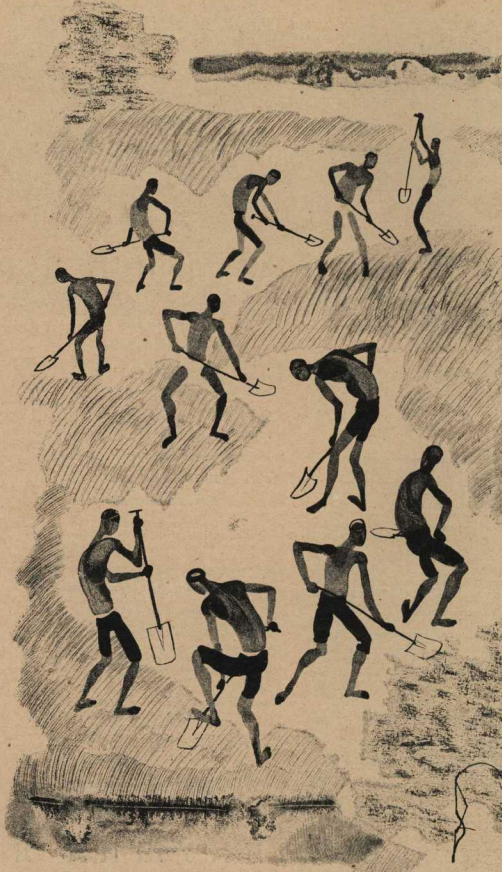
Ноэри его раздувались, глаза блестели, дышал он так, точно пробежал много верст на чье-то поле. Я встал встал за ним. Неподобную полове сельсотева, собралась толпа. Обычно спавшие, узбеки кричали, сильно размахивая руками, и что-то требовали.

— Это бенники,—сказал мне Султан-Заде,—и они всюду требуют. Хлопок гибнет, а и вдруг приехал во всю силу легкого.—Долой Тулли! Долой Тулли!

Грозный рев многих глоток, казалось, всколыхнул воздух.

— Долой Тулли!

— Выбрать комитет!

Полуголые, бронзовые, они работали без усталости...

На помост вбежал Ахмет, самый белый и самый очтанный, и закричал, ударяя муломом по своей волосатой груди. Я стоял, малеча, что не понимаю узбекский язык.

Внезапно все стихло, и Ахмет замер с широко открытым ртом.

Пришел Тулли.

Меня поразила выдержка этого человека, и я почувствовал, как стоявший со мной рынд Султан-Заде весь поборолся, как натянутая тетива лука. А Тулли, маленький и уродливый, прошел вперед, и острям, ключиным взглядом обвел собравшихся.

Жутко стало от этого взгляда.

Тогда Ахмет, самый белый и самый очтанный, подбежал к нему. Пена выступила на его губах. Глаза закатились, и точно одеревнел, он трескал воды: «Если ты колдун, дай воду! Ну же, чего ты лжешь, старая обезьяна? Хлопок г.б. нет, он, Ахмет, умрет с голоду, ну жель!»

Так же молча Тулли ушел. Зачем он приходил? Кто знает?..

В эту ночь я говорил с Тулли.

Он сидел на берегу Армак, который тихо журчал, нес драгоценную влагу на чье-то поле. Сидел и напештывал.

Заметил меня, он сказал:

— Селаям алейкум.

— Алейкум селам.

— Я сел рядом с ним.

Ночной прохладой тинуло из пустыни. Молодая голубая луна взошла над изумрудным небом. В кишае было тихо, только изредка лаяли собаки и кричали ишаки.

Должно быть, гле-нибуди, в тени карагата, даскал свою любимую Султан-Заде, юноша с яркими, горячими губами и кинмовским знаком на халате, лепелявший мечту о восстановлении старинного канала...

— Тулли, ты богат?
 — Я бедник, я самый бедный.
 — Но все говорят иное.
 — Собаки часто воят на луну.
 — Тебя ненавидят все, Тулли.
 — Луна пьет одна, и нет дела ей до вседенной.
 — Но свет она свой получает от земли. Не забывай об этом, Тулли. Тебя все ненавидят.
 — Путь!..
 Он снова шептал что-то, сидя над арком.
 Я поднялся.
 Невнятные тени ревели над полем. Мне почудился в темноте контур чьей-то фигуры.
 Волнующий какими-то предчувствиями, я прошел к себе, и долго не мог заснуть.

На утро Тулли нашли убитым.
 Он лежал в том месте, где оставил ночью его я. Убийца ударил мираба в спину ножом, и он повалился в арку. Вид Тулли был ужасен и страшен, когда его подняли из арки. Злобное излохило от его тела, и все с ужасом смотрели на ненавистный труп.
 Бронзовые мухи ползали по его лицу.
 И каждый знал убийцу.
 Знал и я.
 Преду мной сразу встало искаженное ненавистью и злобой лицо самого бедного и самого отчаянного.
 Но все молчали.
 Правосудие совершилось.
 И напругая авал мулла правверных в мечеть, на заупокойное служение. Никто не пошел.
 Через день я уехал.

Прошло два года.
 Вот сижу я в Москве на родной Благущей, и зезенная яркая луна светит в окно. По-деревенски лают собаки, да изредка заскулит у моста трамвай.
 Я прочел сегодня в газете, что в кишлаке Бах состоялось открытие канала, построенного еще хромик Тимуром отлетяги тому назад и восстановленного комсомольцами нескольких кишлаков на руководством Султан-Зае.
 Я прочел и мне вспомнились кишлак Бах, векие ночи, палящая жара, пыльные карагачи и убитый мираб.
 Меня снова охватила тоска по далекому краю, по жаркому солнцу, по широким далам лу стмыи, и я захохотал воспоминанием в пакете да, что произошло в кишлаке Бах.

НА ДНЕПРЕ

Вышли рано из Херсона
 В полутьме аял восток,
 И дышал росой сонной
 Холодеющий песок.

Ветер ранний, ветер хмурый
 Морщил серую реку,
 Воз мельчали кучугуры
 На далеком берегу.

День был радостный и долгий,
 Запах тега ветер нес,
 И до вечера не молкли
 Плески влажные колес.

И была весь день влюбленно
 Мысль тобою занята—
 Путь веселый от Херсона
 До Кичкасского моста.

Неожиданно дали
 Стирвали нам луки
 И приветственно махали
 Голубые ветряки.

Водны рини, плетни, баштаны,
 И опять поля, поля...
 Дымкой июльского тумана
 Окруженная земля.

Снова сушь, песчаник, гравий,
 Яркий блеск и гольши,—
 Тишь и зной застывших плывен,
 Их густые камыши.

Глянь, Каковки знаменитой
 Видишь хаты вдоль реки:
 Кровью нашею политы
 Здесь горячие пески.

Каждый куест и каждый камень,
 Каждый выгиб берегов—
 Здесь немеркнущая память
 Наступлений и боев.

Помнишь ранние туманы,
 Перебенки облаков,
 Гул и звон аэропланов
 Над плацдармами песков.

По утрам гремели степи,
 Раались бомбами пески,
 И спускались наши цепи
 По откосам вдоль реки.

Так была весь день влюбленно
 Мысль тобою занята—
 Путь веселый от Херсона
 До Кичкасского моста.

Только мирные долины
 В мерных двигались стихах
 Вместе с памятью былинной
 О походах и громах.

Д. Бродский

О ГИБНУЩИХ ЛЕСАХ

Словно слезы, капает смола.
 Грустен шум зеленокудрой аходки.
 По ночам жезтокая пила
 У деревьев разгрызает глотки.

Каждый раз, до утренней поры,
 Сжнет лес от нестерпимой мухи.
 Пьяные шальные топоры
 У берез выламывают рубли.

Никогда за прожитые дни
 Лес не знал подобного позора.
 Туполобые хохочут пни
 На могиле голубого бора.

И скрипят тяжелые возы,
 Увова погибших под навесы.
 И никто ни песни ни слезы
 Не подарит гниющему лесу.

Лишь порою, в лунную метель,
 Забредет нахмуренный лесничий,
 Где стоит оставленная ель
 И другую безответно кличет.

Броют он неторопливый взгляд
 На туман, повисший над лугами,
 И бессильно побредет назад
 Тихими беззвучными шагами.

Мих. Исаковский

Шелковые и ситцевые тумбы

Очерк ХАИРХАНА

1. МАДАМ-МАТЬ

На ней обыкновенные грубые деревенские шаровары, она сидит среди мужчин в полусумерках под серо-глиной рассыпчатой стеной и говорит густым и сильным голосом.

— Но преддайра принужден избегать ее.

— Почему ты никогда не приходишь к мне в гости, наш любимый друг?

В Тумбуле обыкновенные июльские сумерки. Группа крестьян сидит на серо-глиной рассыпчатой улице, беседует с своих обыкновенных делах: воды имные достаточно, но... сознательно, чтобы доставалась всем поровну. Есть много нечестных людей, которые ночью грабят чуужую долю мокрого сокровища. Разве трудно? Немного лопату двинул в бок казаны—и вот хлынуло лишних полведра на поле вера.

Среди мужчин сидит женщина, голова у нее обмотана обильным платком, и весело она рассуждала.

— Надо это прекратить навсегда,—говорит она,—надо на краях ведра воды наказывать так же, как за кражу ведра крови.

В отдаленной тишине с горы прописываются горской «фаянто». Он в «зжает в селение и останавливается против бедома. Крестьяне встают: мало ли какое может оказаться начальство.

— Салам алейче!

— Алейчею салам!—разу обрадованно откликнулся и обступают извоничью пролетку. Это их бывший предводитель дайра (уезда).

Тесняясь, понимают ему руку, а один особенно радостно бросается к молодому парню и они лобзаются. Разговор у них по-тюрки, мы ничего не поймем, а высокая женщина тут же, а скопчивших сумерках, одну ногу поставила на ступеньку.

Только в таком виде женщина старого Востока может появиться на людях

пеню пролетки, она ласково смотрит на мурьявого преддайра, но он не глядит на нее и на ее вопросы отвечает слишком бегло. Грустно она ему говорит:

— Почему ты никогда не приходишь к мне в гости, наш любимый друг?

— Почему ты никогда не приходишь к нам в гости, наш любимый друг?

— Я обязательно приду,—отвечает друг,—но только я очень занят и поэтому...

— Трогает извозчик, а друзья бегут еще рядом несколько шагов и не выпускают руку товарища.

— Почему ты так холодно обошелся с этой славной мусульманкой? Ты даже ни разу не назвал ее по имени: Нэнз-Ханум!

— Так, это мне неудобно,—отвечает Диган уклончиво и стесняется.

— Почему она без хадры и почему она единственная сидит с мужичками?

— Она предельно Тумбула, но она беспартийная. Очень хорошая женщина. Это я ее вывинул.

И Диган уже не может утерпеть, потому что он горит и хочет рассказать:

— Когда я был преддайра, я ее вывинул, первую мусульманку, беспартийную крестьянку на такую общественную работу... Но вот, такой уж у нас народ... Ясно, ее материальное положение тоже улучшилось от жалования, она была беднячка. Ну, стали поговаривать, что я с нею в «станки» отношениях. Я и начал ее избегать, а она, ведь, не знает почему, и очень огорчилась. Раньше я часто заходил и беседовал с ней, уговаривал ее не бояться итти председателем, обещаю поддерживать. А как только ее выбрали—стал избегать! Ее муж меня спрашивает:

— Почему ты перестал разговаривать с Нэнз-Ханум? Чем ты не доволен?

— А я же ему не могу объяснить!

— Трудно и, сулям иской женщине завоевать новый мир!

2. ШЕЛКОВЫЕ И СИТЦЕВЫЕ ТУМБЫ

Посредине маленькой улочки стояла тумба, довольно высокая, в рост человека. Должно быть, эта тумба была несомненно, может быть, сватанная какая-нибудь, потому что на нее набросано покрывало черное шелковое, оно крупными складками распускалось с гладкой тупой макови до самой земли: так вы можете носовой платок положить на пальце.

А улочка расколоченная, серая, как бы из выгоревшей на солнце глины, и вся—словно заворки: с обеих сторон заборы-стенки и ни одного домишка. За стенками салы видны. И по этой улочке солнце хлещет, как расплавленный чугунок по заводскому желобу.

И вдруг шелковая тумба повернулась налево кругом и пустилась с тихонькой торпильностью по улочке!

Так это был человек, значит? Да, человек. И больше скажу, это была женщина в черной па-

рандже, богатая и почтенная. Потом проскользнула другие в паранджах, но не черных, а светло-желтых и розовых, и иных оттенков. Пошли по улочке ситцевые тумбы: эти—белые и молодые, у них паранджа не достигает земли на два-три

(Окончание—см. стр. 10)

Живая тумба—мусульманка, закутанная в паранджу

ТАМ, ГДЕ БЫЛА

Многие народы СССР имеют свою культуру, уходящую вглубь истории. Еще до покорения царским империализмом, они в своем прошлом пережили феодальную эпоху и эпоху национального феодализма. Грандиозные памятники разбросаны по территории бывшего Ту

На снимке ВНИЗУ — СТРОБНАЯ БАШНЯ ХИВИНСКОГО ХАН-

по всей территории. НЕ Д О ВРЕМЯ С Т В А .

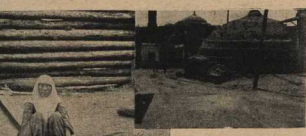
«Усакиная Башкирия» — так писали о жизни башкирского народа при царизме. Башкирия была экономически обокрадена и прямо-таки разграблена царским правительством, которое в отместку за непокорность и сопротивление распродало (в 1877 — 81 г.г.) земли башкир кому только захотело. Теперь башкиры — осужденные скотоводы. На снимке ВВЕРХУ СЛЕВА — ЖЕНЩИНА-БАШКИРКА ДОИТ КОЗЬЛИЦУ.

Остяки — «с якут», как они себя называют, что в переводе на русский язык значит «собский народ» — это вымирающее при царизме племя. Рыболовы и охотники, они бесчеловечно эксплуатировались русскими кулаками, а в войну отбрасывали у них чинные меха. На снимке СЛЕВА — ГРУППА ОСТЯКОВ ЗА СВЕЖЕВАНЬЕМ РЫБЫ, которую они нередко едят в сыром виде.

НАПРАВО В ВЕРХНЕМ УГЛУ — ВОГУЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА (народность, близкая к остякам) сансает хлеб в так называемый чувал — почти перестоявшую пень, сплетенную из влины на деревянном остове.

Восточная женщина — подлинная рабыня религиозных и бытовых предрассудков — была лишена какой-бы то ни было общественной жизни. На снимке СЛЕВА — ПОДЗЕМНЫЕ БАНИ В НАХИЧЕВАНИ — это единственное место (кроме мечети), где женщины могли собираться.

Русский колониализм, насаждавший крупную промышленность, намеренно отставил на уровне почти первобытного производства национальные окраины. Покоренные народы расаматривались лишь как заводской рынок для сбыта второстепенных фабрикатов. На снимках: ВВЕРХУ СЛЕВА — УЛИЧНЫЙ ГВОЗДИЛЬНЫЙ ЗАВОД В НАХИЧЕВАНИ в лице старого ремесленника. На снимке СЛЕВА — ПОМАШНИЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК КОЧЕВЬЕХ КАЗАКОВ.

Не подумайте, что перед вами (на снимке ВВЕРХУ) иллюстрация к сказке: это — ЖИЛИЩЕ КАРАЧАЙЦЕВ, сложенное на монументальных бревнах, без окон и с бревенчатой же поросью бурьяном крышей.

Это — человек (на снимке СЛЕВА), УЗБЕК ДЕКХАНИН (бедняк), отдающий свои силы на старости лет насаждению кооперации.

Присмотритесь, и вы увидите (на снимке В ЛЕВОМ УГЛУ ВНИЗУ) сооружение, в диаметре превосходящее размеры солидного фабричного маховика. ТАК ТРУДЯТСЯ УЗБЕКИ НАД ГЛИНЯНЫМ ЧАНОМ чтобы им было куда салить виноградный сок с их виноградников.

Царская Россия была тюрьмой для всех. Все, что ни принадлежало народу, национальности великороссы, малороссы, артыльская ключичка — «виноград» Царская Россия не знала (артыль — это село в Украине). Царская Россия украинцев и поляков. Она знала дороссами и «дьяками». А восточных — дьяков и жидов — называли «еврейскими». Естественно, что угнетенные не стремились к царской России с новым отщепенем.

Русская буржуазия, стоявшая в феврале по октябрь, отказалась от средневековых методов национального отщепенства, практиковавшихся царизмом. Но она и не хотела проводить четкой национальной расчлененности.

Только пролетариат, свергнувший царя в Октябрьские дни и руководимый коммунистической партией, раз и навсегда ликвидировал национальный угнетение, полностью провел лозунг самоопределения народов.

Из царской тюрьмы народы России вышли в Союз Советских Социалистических республик.

Победивший пролетариат не только не дал, как нужно разрешать неравнодушие буржуазии, и в пределах буржуазного национального вопроса.

Предстоящее десятилетие Октябрьской революции будет в то же время критическим десятилетием национальной политики.

За это десятилетие наша деятельность очень много. Не ограничиваясь формальным признанием национальностей, мы сделали и делаем все возможное для развития производительности угнетенных областей, для расширения культуры отсталых районов угнетенных ранее царизмом.

Наша комсомольская национальная политика должна быть первыми на фронте развития культуры ранее угнетенных, развивая культуру отсталых национальностей, они должны в то же время отстаивать интересы культуры ранее угнетенных.

Но, развивая культуру отсталых национальностей, они должны в то же время отстаивать интересы культуры ранее угнетенных.

«Тюрмы» народов нам разрываться. На месте ее крепнет и растет великая дружба народов. Т. Кав

ЮРЬМА НАРОДОВ

На снимке СПРАВА ВНИЗУ — ПЕРВЫЙ УРОК МАЛЫША ТАННА-ТУВИН-СКИХ ОЛЕНЕВЦЕВ. Это, пожалуй, единственная школа в единственном искусстве, которые были доступны детям этого народа до революции.

Алкоголизм и венерические болезни — быч многих малокультурных народов, входящих в СССР. Спаивать и беречь в дикости и нищете новые племена было уваженным методом самодержавной полиции. Многим малым и большим народам* в Российском государстве была предвечена судьба, подобная судьбе северо-американских индейцев. На снимке ВНИЗУ — ТУВИНЦЫ В ЮРТЕ ГОНЯТ АРАКУ (еода из различного молока) и В УГЛУ СПРАВА (второй снимок снизу) — УЗБЕК ПРИНОСИТ В ДИСПАНСЕР СВОЕГО РЕБЕНКА, больного наследственным сифилисом.

На снимке СПРАВА — САМАЯ СЕВЕРНАЯ ШКОЛА В МИРЕ (на 500 верст севернее полярного круга), принадлежащая СССР. Советский Союз — великая семья народов, в которой не может быть насильно. Самоеды далекого севера впервые получили грамоту. На снимке В НИЖНЕМ УГЛУ СПРАВА — СТАНОВИЩЕ САМОЕДОВ НА БЕРЕГАХ МАТОЧКИНА ШАРА.

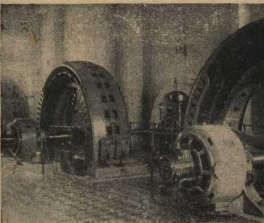
Народы СССР, втянутые в промышленное развитие, быстро сбрасывают с себя средневековые насты. На снимке СПРАВА — РАБОТНИЦЫ — МОЛДОВКИ (был фотографирован они принарядились в национальные костюмы) в читальном клубе Реутовской буажено-прядильной фабрики.

Столетия народы Туркестана вели упорную борьбу с безводием и жесточайшими засухами. Заступим, потом и люткой трудились туркестанцы над быстро засоряющимися арыками. На снимке СПРАВА ВНИЗУ — ПЛОТИНЫ ОРОСИТЕЛЬНЫХ КАНАЛОВ, построенные после Октябрьской революции.

Электрическая энергия из года в год наше строительство мощными толчками привлекает в отдельные уезды Советского Союза. На снимке ВНИЗУ — МАШИННЫЙ ЗАП ГИНДУКУШСКОЙ Г И Д Р О — ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ. Это одна из тысячи артерий, которые несут свободным народам Советского Союза великую эпоху индустриализма.

Даже в юрты кочевых киргизов проникла советская общественность. На снимке С НИЗУ — АГИТПУНКТ В ЮРТЕ.

В своих песнях, сказках, легендах, музыкальных мотивах народы СССР рассказывают и поют о своем прошлом, о своих обычаях, о своих работах и о своих мечтах. Этого не могли убить до конца даже столетия бесправия и угнетения. На снимке СПРАВА — БАШКИРСКИЕ МУЗЫКАНТЫ.

вершка и можно пришить мелкое изделие на пятки на странной узкой туфельке без задника, но с каблучком. Что шаг, то хлопает.

Одной рукой у виска они прилежательно в покрывале укутую челочку для глаз и шли к расписному аэролу в поавил, нагибались под красную тряпку и осклани по многим ступенькам. Над землей тут обширный курол с фонарем. Баня.

До 2 часов дня — женское время в подземной бане Нахичевани. Здесь — сборный пункт их.

Они канителило долго: надо вымыть грязное белье с себя и посушить, чтобы опять одеть. А другие еще приносят узелок, пользуются горичней водой. В нахичеванском краю нет лесов ни деревца...

В наших российских городах главное бабье место — базар. А в Нахичевани на базаре едва встретишь женщину. Базар — мужской. Все для дома закупает и приносит мужчина.

Так что другое место, где женщины собираются — это мечеть. Туда приходят старые и молодые и сидят на своей женской темной половине за колоннами. — Странные белые, цветные и черные, шелковые и ситиевые тулбы, в роде грибо-лакейничков. И молчат. Иногда мулла еще запропадевает — женщины всплакнут. Потом побудут соей к своим детям, к своей безлюдной жизни семейного животного.

Мир ислама принадлежит мужчинам!

А третье место, где собираются самые молодые женщины, это — клубы женский и комсомольский. В женском много маленьких девочек.

У них тут и стена построена, и хотя на стене томе они женщины играют, но чупно и новое их обряжение: они уже принажикут бавать вместе не для того, чтобы мыться, и не для того, чтобы плавать, а научаются знать (на все вою жизнь), что вместе быть — интересно.

В комсомольском клубе смешались и юноши и девушки. И на стене актеры томе обоего пола. И в зале зрителей полно. И у девушек в полуглазе открытые лица. Часть из них волос без паранджи, другие закрыты: но это не значит, что закрытые — не комсомолки. Комсомол не обижаете снять чулку!

Есть на и Диканом зашли в женский клуб. Там было много девушек, прелюбожно сидевших с открытыми лицами. Они быстро закрывались. Дикан говорит: — Сними их! Это наши комсомолки.

Но только я поставил аппарат — среди девушек шопот.

— Что он будет леплать? А учительница разрешила, чтобы он нас снял?..

И потихоньку одна за другой ушли, беззвучные комсомольско-терриды...

— Что же это такое, Дикан? При чем учительница?

— О, учительница одна самое вышло ее лицо. В одном месте учительница ведела девоч-

Свобода в Неграре — знаменитой селении на берегу Аракса? (граница Персии) — профессиональных контрабандистов. Царские землеустроители откармливали неграмих крестьян в земельных наделах, указывая на то, что они просят и не делают, указывая на контрабанду.

кам выплысть из комсомолы — они пошли и выписались. С очень боязливо мусульманка принажикут к своим необыкновенным новым правам!

3. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Отсюда, от Нахичевани, несколько верст до Турции.

И правда, там, в Турции, в самой крепости ислама — все женщины теперь должны ходить без чулки по декрету правительства. Буржуазная Турция проводит энергичную реформу быта: на улицах с мужчинами срывают фески и уничтожают. (Бовсем, как в России при Петре-царе хатали борозачей на улицах и брили). Женщинам запрещено появляться на улицах с закрытым лицом... Даже и такое тонкое средство пушено в себя в десятках книжках для начального обучения женщинам и мужчинам, турки и турчанки, изобразились там в европейском платье.

Тут резко видим различие двух систем: турецкий буржуазно-революционный подход — принуждение, советский — расширение, освобождение.

Турки принажикут женщины сидеть возле нас: тебе на улицу — открыт лицо! А мужик, не велит. И верно: сидит множество женщин в турчанских городках с тулбу по ямам. Мужья тулбу рамы. Потому что — поскольку от женщины завонло бы, они бы и сами сняли чулку безо всякого приказа.

Советская власть о свободности женщины в о б о и д а е т женщину от чулды. Что такое чулды? Это, конечно, небытие, т. е. не материальная необходимость для женщины, а идеологический обычай, требование мужа-господина, чтобы на его жену никто другой не смотрел. Так он думает, ему безразлично...

И Советская власть разрешает женщине без а б а з а н о и открыть лицо. А ежели муж вздумает кобеситись, на такой случай имеется комитет труженни. Туда идет мусульманка при всякой семейной неприятности. Идет — тащит мужа — его спланила за собой!

В комитете правосудительница говорит мужу: — Абдулла! Ты не имешь права закрывать лицо мене, если она не хочет. А если принажикут стащешь, мы на тебе и суд подадим и посадят тебя суд в тюрьму.

Старый обычай потерял силу и сменяется новым.

Новый, советский мир, освобождает женщину от ислама (как и от всех других религий), принажикут на равн о с правн мужчанин и женщины.

БОЙ ЗА НАЦИОНАЛЬ

Очерк

«Дело»

Оказывается, что футбол — наш обычный национальный повсеместный футбол имеет всевозможные архаичные предков. Одним из таких футбольных предков является чрезвычайно популярная в аулах Грузии игра под названием «ел до».

Представьте себе небольшой кожаный мячик величиной примерно с арбуз. Тут набитый мехом. В определенное время года после колхозных работ две соседние деревни, давше друг другу согласие на участие в игре, начинают усиленно готовиться к ней. В уполовинное время почти все мужское население деревни — конное и пешеходное — отправляется на границу с землей соседней деревни, который со своей стороны там же ставит туда свое мужское население.

По команде одного из старейших — игра начинается.

Перед каждой стороной стоит задача удержать мяч в своих руках и пробиться с ним к деревне противника. Противник со своей стороны старается вырвать мяч и не полпустить его приближения к своей деревне.

Начинается эпическая борьба, в которой с немалой полнотой и яркостью выявляются достоинства каждого участника: быстрота, ловкость, сила.

Мяч в руках одного из наездников. Крепко прижал его к груди, чинчивая, чинчивая путь к деревне.

Но... ловкий удар сбоку, мяч вылетает на воздух и переходит в руки противника.

Борьба разгорается... Все чаще и чаще мяч уходит в одну сторону, и, наконец, после полных шатающих ударов, обратных после возврата, изгибов, падений, мяч подлетает вплотную к одной из деревень. Один из участников, поймавший мяч, мчится с ним в деревню. Бесед за мячом летит противник, стремясь удержать последний момент — полотно. Еще мигути и в восторженных криках победившей стороны мяч вылетает в деревню.

Последнего участника, «вонгашего» мяч в деревню противника, встречают и чествуют, как настоящего героя. Такова игра «ел до».

Но не только «ел до» увлекают грузины. Кроме «ел до», процветают еще игры с маленькими мячиками — «г о р б я в» и «д а в л а б о л».

Первая — заключится в том, что две команды, разделив поле на равные половины, стараются короткими покосами загнать деревянный или кожаный мяч в ямки, вырытые по концам поля с каждой стороны. Во второй же, — одна команда защищает плюющими локонки имени, а другая стремится попасть в него мячом.

Все эти игры: «ел до», «г о р б я в», «д а в л а б о л» — представляют из себя как упреждающие — футбол, хоккей, крикет и, — что знает, может эти древние народные игры и являются той основой, из которой выросли и футбол, и хоккей, и крикет.

«А л а м а н - б а й го»

Узбекистан, если можно так выразиться, — страна лошади.

Если в нашем распоряжении имеются и велосипед и мотоцикл, и автомобиль, и мотоцикл, и автобус — самые разнообразные способы передвижения, то для киргизов или туркмена лошади заменяют все перечисленные способы передвижения. Даже больше: лошади — его лучший друг и товарищ, не раз спасающий своего хозяина от приближающейся опасности. Не удивительно, что у киргизов конский спорт является самым любимым, самым популярным.

Дело обыкновенно заключается так. Большая киргизская принажикут. Из окрестных аулов и деревень на своих крепких и мускулистых дошадях сбегаются гости. Начинается обмен приветствиями, гостей усаживают по местам и приступают к угощению. Завязывается общий разговор, который равно или полотно немалое переключат на лошадиные темы.

Завязывается спор. Один говорит так: — Моя лошадь — самая быстрая.

Другой возражает: — Нет, мой быстрее.

Третий с возмущением вскакивает: — А мой быстрее ваших обеих!

Шум поднимается все больше. Наконец, решают проверить на деле — чья лошадь быстрее. Почти все гости вскакивают на своих дошадях и выстраиваются в одну шеренгу. Начинается «а л а м а н - б а й го». Иначе говоря — скачки.

Курдские женщины за приготавливанием хлеба

ТЕЛЕНКА

НЬЕ ИГРЫ

П. ЛЕБЕДЕВА

Знак подан и вся шеренга бросается вперед. Во весь опор скачут всадники, стремясь обогнать соседей, первым достигнуть цели, повернуть обратно и первым же вернуться к старту. Все меньше и меньше лошадей остается впереди.

Вот осталось только две. Точно вихрь мчатся вперед. Все ближе и ближе к цели... Один всадник с ослепленными зубами хлещет из всей силы лентой по крупу своего коня. Тот рванулся и вынес хозяина вперед. Победа обеспечена. Еще минута и он уже достиг цели. При восторженных криках толпы он провозглашается победителем.

Но страсти разгорелись. Через некоторое время победитель, самолюбиво глядя на своих коня, но косясь издали на зрителя, что ничья лошадь не сравнится с его скакуном и приглашает всех гостей помериться силами. Гости, разгорачен-

гуду всадников, огибающих этого момента. И тут начинается свалка... Каждый из всадников, всеми способами: силой, хитростью, быстротой, стремится завладеть теленком и доставить его в определенное место.

Страсти разнакаются. Не только люди, — лошади приходят в азарт, начинают бить копытом и кусать камако, попавшего им под ноги. Идет буквальный бой за обладание теленком. Не удивительно, что кто-нибудь в конце игры окажется с проломленной голеной или перебитой ногой...

Борьба стоя

Национальные праздники у бурят протекают в весьма торжественной обстановке. Происходят они обыкновенно летом. На время праздника вся деревня отстраивается в поле и устраиваются тал лагери. Среди этого обширного лагеря тут и там лежат костры.

И вот наступает торжественная часть. Все бурята рассаживаются и начинается поедание мяса, заливание его кашею, запивание молоком и самогоном. Наедаются плотно и основательно.

В После торжественной части идут состязания.

Двое молодых крепких бурят уже заняли позиции друг против друга, а вокруг них плотной стеной столпились зрители. Начинается борьба. Закладывает она в том, что каждый из борцов должен заставить своего противника коснуться земли камак-либо частью тела, кроме ступней.

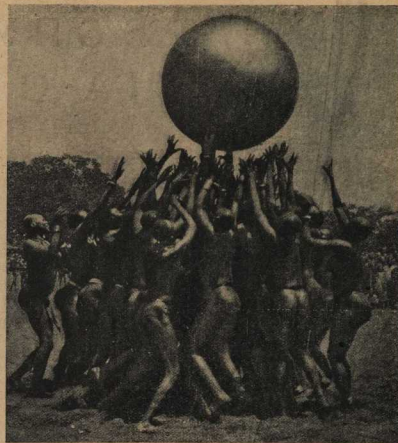
ВОЕНИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ КАСТЫ.—Тибет, еще ламы упражняются в стрельбе из лука. Это даром слышится оружие (150—200 руб.) давно уже перестало быть божественным «вещным массам

ные скачкой, охотно соглашаются и через несколько минут начинается вторая равновесность 6 а й г о — скачки-погоня.

Нашему победителю дают отъехать на несколько метров вперед и затем вся группа бросается за ним в погоню. Бешено мчатся кони. Передний скакун, прижав уши, роняет пространство словно пух. Постепенно предводители начинают отставать все больше и больше. Скакун снова выходит победителем.

Но самая азартная игра у киргизов — это «уль-а-ки». Она не только самая азартная, но и самая опасная. Нередко она кончается смертельными случаями, а уечье — обычное явление в этой игре.

Закладывает игра в сплелухе. Устроитель праздника роняет теленка, потрошит его и, вытотривши, накрепко зашивает кожей. Покопча с этим, хозяин с размаху бросает теленка в скачку

КОСТЬ СО СТОЛА БОГАТОГО.—Эта скульптурная по своей выразительности группа бронзовых тел, тиннущихся к окружающему миру, не больше как фотография с негритянских женщин, увлеченных игрою в кум-болл. Французам — хозяева экваториальной Африки — стоит как политическим необходимо развлекать увлеченных спортом

ног. Здесь идет борьба на стойкость, устойчивость фигуры.

Под крики зрителей борцы скатываются друг к другу. Надо ухитриться таким образом, чтобы заставить согнуться или совсем свалиться своего противника и вместе с тем сохранить свою устойчивость и не свалиться вместе с противником на землю.

Эта борьба, как и французская, имеет ряд заграничных приемов. Например, строго запрещается — махать свое тело мазики, чтобы оно не становилось скользким, или занимать дополнительные пути противника.

Наконец, после всех игр устраивают скачки на лошадей.

Чрезвычайно характерен чисто практический подход бурят к этим скачкам. Лошадь, пришедшую первой, каждый из бурят старается приобрести у хозяина, за цену не стоит, лишь бы получить в собственность скакуна-победителя.

Старое и новое

Но с нашим днем все новые и новые слои населения втягиваются в культурный спортивный спорт, занимаются легкой атлетикой, баскетболом, футболом, теннисом.

Об этом в другом очерке.

И большие и маленькие Башкиры состязаются в борьбе

В Узбекистане культурный спорт: легкая атлетика

РЕСПУБЛИКА НА ОЗЕРАХ

(ПО КАРЕЛИИ—ОТ КОНДОСТРОЯ ДО ВОДОПАДА КИВАЧ)

А. АКМОЛИНСКИЙ

Остров на Онежском озере

И летом здесь ездят на санях...

МАРШРУТ: Москва—Ленинград—Петрозаводск по железной дороге, Петрозаводск—село Кондопога моторной лодкой по озеру, село Кондопога до впадения Сандал—1 верста пешком. Дальше Нив-озеро до Медвежьей горы моторной лодкой, оттуда до села Тивдия—лодкой, к водопаду Кивач на лошади и на плотах по реке Суна. В Петрозаводск и обратно в Москву по железной дороге.

Стоимость проезда до Петрозаводска по железной дороге 12 р. Весь остальной маршрут на лошадях и моторных лодках в среднем по 2—3 р. с человека.

Время поездки с 15 июня по 15 сентября (солнечная теплая погода, белые ночи).

Что смотреть: Гидро-электростанция (Кондострой), лесосад, старинные постройки на всем протяжении, водопад Кивач, мраморные разработки на Медвежьей горе, разнообразные острова с богатой растительностью. Для любителей—хорошие места для купанья во всех озерах, рыбная ловля, охота на диких уток.

Поехали вауаа. И кто из нас 12-ти ребят, решивших в это лето предпочесть север югу, не имел ни малейшего представления о маленькой республике среди рек, гор и озер. Вызвали курс на Ленинград и там день остановили и попользовались на посещение географического музея, где советский север представлен очень широко. Ребята завязали д. скусию: кто предлагает маршрут на Мурманск, кто за Полярный круг, а один на-таивал даже на Соловках. Венду интересно по данным музейных материалов, и мы решили не забираться вглубь, а начать с Петрозаводска и Олонездой гтб.

Моторная лодка быстро режет гладь Онежского озера.

Мелькают островки, где высятся церкви старинной постройки и решетчатые рамы для сушки сена. Остров—село нас принимает на отдых. Карельские крестьяне рады гостям и по ослу пошел разговор: емовски нас посмотреть приехали. Быстро завязались беседы. Мы пришли к старику.

— Что это, отец, вы летом на санях ездите?

— Колес, паренек, мало в наших краях, да и лето негодное.

— Тяжело, ведь, коням...

Улыбается и равнодушно бросает:

— Привычно.

С любопытством осматриваем поля, где на четвертушке десятины, сквозь каменистую почву, реденько произрастают колосья ржи. На массиве, далеко ушедшем в озеро, выбачат мальчишки. Осматриваем большие двухэтажные избы, где в задней части на втором этаже помещается и... конюшня. Через два часа уезжаем, получив некоторые предварительные познания о Карелии—стране лесов, рыболовства и скудной почвы.

Шливым 60 верст, и к вечеру добираемся до деревни Кондопога. Здесь и деревья и большой поселок, где строится большая гидроэлектрическая станция «Кондострой», а при ней бумажная фабрика. (Карелия богата лесами и кора идет на выделку бумаги).

Весь берег усеян близлежащими островками, где собирается молодежь с гармошкой, с гитарой, и разведя костер, читает редко получаемую газету. Дым костра отгоняет комаров, а гитара

и гармошка, заливаясь, разносит гудящим эхом по озеру звуки залихватских песен; вдруг они образуются: музыка сменяется чтением. От доски до доски прощаются старый полатыш вомер газты. Читают, плохо угадывая смысл таинственных терминов в ряде автобус, трамвая и т. п., не говоря о фанстах. Очень низкое уровень знаний большинства молодежи, населивших эти неказистые островки. На ряду с проникнувшим сюда красным угольком при волкоме, практикуется старинный обычай колдоск шюте (всем селом, без различия и полов и возраста) посещения бань.

От Кондопоги две версты до озера Сандал. Отбываем деревню Нив-остров и через канал Петра Белогого в заказом под откровенные спалы Медвежьей Горы. Здесь мраморный разработки и, окрестные население изготовляет массу кустарных изделий: чернышницы, пельшницы, кубики и т. п. Наши карманы быстро таядеают от множества разноцветных с переливами жидок-каменей. Горные края поражают разнообразием пород: мраморные горы, руда, полевой шпат, гранит и лесные склоны карликовых деревьев.

От Медвежьей Горы к деревне Тивдия недалеко. Два часа и мы прибываем туда на поезде, где нам обещают завтра показать лесосад на реке Суна. Утром через лес, где вековые деревья ушли далеко в небо и узкая дорога не позволяет быстро ехать, мы плетемся на лошадах имея очень унылый вид. Тысячи гигантских мух, известных здесь под названием «пармаков», жалея нас во-всю и не только нас, лошади не хотят идти—так насади стаи пармаков. Вооружившись длинными ветвями, мы с этими «пахалами» пробираемся вперед, навед на лица подобие масок из марли. Восемь верст мы проехали за два часа с лишним. Необычайное зрелище вознаградило нас за укусы. С громадной высоты низвергались гигантский водопад Кивач. Пена и водная пыль передвигаются всеми цветами радуги под лучами солнца. Как тростинки, летят в воздух поташаженные бревна, падая вниз. Дальше от водопада местные смельчаки-ребятишки, стоя на бревне, выкидывают рикованные фокусы. Некоторые со смехом падают в воду. Им все равно как. От водопада Кивач мы вернулись в Петрозаводск. Много интересного мы увидели на севере.

Типичная изба карела.

гих реж...
жит на равных правах
мужчинам и женщинам.

Курские женщины за приотворением обеда

ЖАЛОБА ТУНДРЫ

Был кобылий сурт¹, был олений сурт,
Было много на Лёне становий,
И теперь еще много на севере юрт,
Много юрт и кочевий вдоволь.

И теперь есть оленье гурты,
И собаки езжалые есть,
До сих пор там живут якуты,
До сих пор там кочевий не счесть

У меня там дружок, у меня баранчак²,
Молодой и бродячий якут.
Он из рода почетных бродяг—
Сам почетный бродяга и плут.

О, как любит он русого гостя,
Как он любит русских людей,
Много водки их табор приносит,
Много водки и много вещей.

Говорил баранчак, что к его землякам,
К устью Лены весной, к понизовью,
Наезжает купеческий стан
Погоулять мало-мало и вволю...

Ай, и хитрый народ торгаша,
Ай, и жадные стали, как волки.
Едут в гости, а рвут барыши
За бочонки пузатые водки...

И зачнут величать всех! дружок да дружок,
По обычаю сыплют подарки,
Русской водки дают глоток,
А кому—и по целой чарке...

Ай, как много у русских товаров,
Много ситца и много добра.
Получай, что угодно, задаром,
Получай, и пляши до утра.

Только чем отдавать им отдарки потом?
Нет пушнины и рыбы нет.
«Подождем, коли-так, подождем»—
Утешают купцы в ответ.

И зимой наезжают в гости
За отдарками целой гурьбой,
Забирают моржовые кости,
И пушнину, и рыбу с собой.

И вздохнул баранчак мой:
«Не ладно, не ловко,
Ох, какой был собака купец,
И пошто за глоток водки
Отдавать надо...»

Эх! не
П...

¹ Сурт—пастбище.
² Баранчак—мальчик, юноша.

НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ

Очерк С. ЧУЙКОВА

Очерк С. Чуйкова завоевал анимацией читателей не только красочностью, с которой автор описывает далекие Семиречье, но и глубоко заинтересует рассказанной в нем правдивой историей.

Перед читателями — история двух эскадр: маленького Ганьки, который вместе со всем казахской молодежью переживает эскадрное жилище учиться, и маленького Турара — сына влиятельного баяна Рыскула — которому революция привала к уральскому Союзу Советских Республик. Это — история а по. Рыскулов — заместитель председателя СНК РСФСР

«Небесные горы» — так называют хребты Тянь-Шаня. На снимке котловина озера Иссык-Куль — здесь пройдет южная часть Туркестано-Сибирской желез. дороги

Облака да бараны

Думал, смотрел в ущелье я.
Бараны гнал палкой я.
Соскучился по тебе, далеко от тебя
Скучаю по милым в ущельях я.
Ты жуваешь и плачешь.
Всем аулом любима ты,
О ком плачешь ты?
Вопломи, как вместе ходили
В горах, где яблони над речкой.
В горах речки и джигиты.
Джигит проехал.
Джигитит все с любовью к тебе (идут),
Кого из них вымрала ты другом?
На черной горе желый снег
Как одиноким джигит верблюдинок;
С полдороги дедушка лежит
Девичий поцелуй, как яблоко с медом.
В зеленом ущельи так растет ли?
Бурый человек стоит ли?
В черных горах над вершинами
Коршун кружится, не уходит.
В черных глазах я твой глядит бы,
Тонкую спину твою я ласкал бы.
Беркута молодого пошлю я к тебе,
Тебя он за волосы принесет ко мне на вершину.
Если ты забудешь меня,
Насегда я закрою глаза...

Так поет Урбек, когда шальной лень вокруг
только вершины, облака да бараны. Едут
ладно, ему есть хоть о чем мыслить, ему 13 лет,
а о чем пять баянскому Ганьке, которому нет и 14?

Убеждает, что вернет в усадьбу — ничего не
узнали же никто не сложил песни.

Узнали же жесткой упругой травой,
цвет хребта; где-то
а лет в ауле

по камням,
идет
идет

идет
идет

Курские женщины за приготовлениями обеда

Все одно и то же!.. Попелать бы что-нибудь...
Вскочит Гани, побегит, вырвет пальцем зюльпан,
о сест меловую его лужицу; с гриком и свином
броится на бараны, погоняется за ними, непо-
воротливыми; взберется на скалу, обернется к джа-
мырку под ногами аулу, крикнет протакно так:

— Да-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

...Потом сядет, отвернет чапан, где зачеса-
лось, побьет маленькую
вшей и опять нечего
делать и не о чем ду-
мать.

И так каждый день.
Только к вечеру
есть о чем думать Га-
нишке: много ли се-
годня туманок надет
ему хозина, когда наче-
нется в ауле вечерняя
суматоха—когда нача-
ют лопать, и ягнату
будет кричать и рвать-
ся, овцы бегать, как
зарезанные, женщи-
ны кричать и бегать,
собаки лаять, а хо-
зяин ругаться, побоя-
ться и драться, чтобы
скоро отавывал и
привыивал ягнят.

И еще о том—мно-
го ли дадут сегодня
облоданных козлей,
которые поносят он в
күрт своего отца.

Вот о чем думается
к вечеру.

Так все и было ве-
чером, как думал Га-
нишка. Кругом все
кричало, ревели, ви-
жали, мялконо; хо-
зяин охрип от ругани
тоже визжал и ко-
пал, весь красный и потный, а Ганишка по-
привая к привая, как полонный.

Ругая его Джумубай ружкой камчи
—ничего, терпеть можно, при-
угодил по уху, и Гани сва-
ше испуганный поднялся

Весь вечер пробыл Гани по аулу и слушал
как тут и там у костров возвращение из города
отцы рассказывают всякие чудеса про горы.
И не хотелось идти в дымную и вонючую күрт
отца без согретойшей порции костей.

Ушел в желтый сумрак ночи и, невнимая,
тихоно мурлыкал, чтобы никто не слышал:

А-ах, как болит моя голова,
Как мне хочется плакать.
Вон собака утащила где-то кость.
В городе у ребят бешметы с золотыми пу-
говицами.

Песня кривого Кадмыра

Этот косяк Кадмыр, чулак и бродяга, не имея
ниши своей күрти и жене, ничего кроме коми
и домыра, свистит с свистящей гле привае по во-
своей гостеприимной күрти и скитавшийся по всем
действиям¹ западных гор, делал сплюсшим
приятно то недалекое время, которое он жиа
в ауле.

Целый день всякий жидок, когда солнца смол-
нитса к вершице Алматинского пики, холодо-
розовой краской залетт сверхкожные снега верши
и синими туманами наполнит ущелья; и к сумер-
кам весь аул собирался вокруг него послушать
чуждесной истории и песни под спокойной и мелан-
холической привае домыра.

Давно уже перестали удивляться, откуда бе-
рет он свои дивные истории, так как Кадмыр веда
былает и все знает: он всегда может сказать, что
делается сейчас в Ташкенте, в Кашгаре и даже
в Москве.

Уме сумэрки, пропахивая дымом и моло-
ком, плавали по горам, колыхаясь сине-зелеными
волнами, замолкали убранные стада, ярами
пятиами сияли костры и все мужичны аула со-
брались на зеленом холмике, когда Гани привае
последнюю легенду и, подпрыгивая как жеребе-
нок, трепещет туда.

Окруженный вершинами, звездным небом и
любыми, чуть видными в сумерках, Кадмыр, да-
гоном трогая струны домыра и изредка погля-
дывая своим единственным глазом на звезды,
рассказывал так:

«Жил в Татарской волости джигит Рыскув.
Был он бедный, но гордый джигит и не боялся
ни баев, ни самого манала². Он ругал баев и са-
мому маналу правду в глаза говорил. И не лю-
бил его бай и манал и думали, как его со свету
сжечь».

«Смолко руж судил его манал за кражу ло-
шад и еще за что-нибудь и брали штраф 20
и 30 рублей или забирали баранов».

«Потом на джигей чалок приезжал узья-
началы. Много с ним приезало русские, жидки
и белых шляты и казаки и с кожей белой, как медальон.
Они вертели и визжали, а русские бай в белых
фуражках и рубашках с золотыми пуговицами
и с золотом на плечах бегали за ними, как наши
кобели вешной».

«Эзд-начальник требовал угощения, и манал
велел резать баранов, зарить пшени и жарить
шапшны и посылать много джигитов в горы за сор-
верт за дорогой волной, белой, красной и жел-
той. И джигиты привозили все и еще всякие рубок
в железных банках и еще всякой всячины на 300
рублей и еще больше. Со всего аула собирали свои
баранов и камаев, гнали их на гору за шестами,
и таскали они шестов целую гору, и в шестах
валялись тогда белые женщины и узья-начальник
и все; и много лез и лези волку и кумас».

«Потом они были совсем пьяные и женщины
все. Тогда начальники заваливали джигитов
баранов и камаев и стреляли в них из ружья,
а джигитам было очень страшно. И еще начальники
делали джигитовку и стреляли из ружья на бегу
и когда падали с коня (пьяные) и им было больно,
то были джигитов по аулам и по уху».

«Потом они уезжали и узья-начальник ходил
по пшени манала, там говорит, у меня хороший
тамыр, ничего для меня не маделось», — манал
клялся и держал его за руку, как хорошего
друга».

¹ Джигиты — летнее кочевье в горах.

² Манал — родовый князь, бай — богатый
господин.

«И тогда ма № 12

начальники с'ели»
лемер—забирал бара.

«Рыскул никогда не шорт деньги, сколько когда манал посылал его, и а у кого не было ранов и воем джигитам говори», манал все равно забирал барано-ч в горой, скула не осталось ни баранов ни деидьт ба-лось только ружье да хороший конь. Но

«Был Рыскул хороший охотник, был он в, омаы и сильный джигит, был он горячий, хоро-ший парень... Но курта его была, как решето, и не было баранов и не на что было ему купить жену.

«Часто плакал Рыскул в пустой своей юрте, а на людах был горячий, прямой и гордый.

«Девушку полюбил он из дальнего аула, и она полюбила его, но не отдавали ее без мамы, и она полюбила к нему сама. Тогда не стало жизни Рыскулу от баяв, от манала и от стариков, но терпел он, потому что хорошо жил он с женой, и ро-дился сын у них.

«Сговорился манал с уезд-начальником и по-звалил Рыскула в тюрьму будто за кражу ло-шадь. А когда вернулся Рыскул, манал украл у него жену.

«Кровь закапала из глаз, когда заплакал Рыскул... Не было у него больше терпенья. Выял он слышнху своего Турара, ружье и, бросив юрту, скрылся в горах.

«Рыскул был хороший стрелок. Далеко, да-леко ехал раз манал, чуть видно было его со скалы—как казьянка полз по тропинке. Прице-лился Рыскул и снял манала с седла, и конь один покатился к аулу.

«Хороший стрелок был охотник Рыскул, го-рячий джигит был Рыскул.

что ему делать, когда вы-растет он совсем. И слу-шал мальчик, как гово-рил и плакал бедный его отец.

И когда мирал Рыс-кул, в последний раз так сказал:

«Сынок мой, Турар! Чьиснаи народ — не-и май нар— потому царь сидит — нем из казак и бел-джмур, и нет ни о-й него «бросить их пот-у что не знает как... и нечем убой... и Или сынок, «му дышать... мальское! — дыть счастье там иши, где я Руд... а иди к русским и У-ай все, что они знают: грамоту и ... еще много всего, тогда ты узнаешь, как найти счастье казак-ское, мальское».

«Умер Рыскул. Попла-кал еще маленько Ту-рар и пошел скорей в Ташкент к русским. Тур-рар много читал он по книгам, что глава заболели, и слезал он себе стальные глаза, как у русских. Так много он думал, что сухой и желтый стал, как лошадиная кость... Но все сидел он и учился и думал о том, что сказал ему отец.

«Так искал мальское наше счастье Турар Рыскулов и нашел нам его!

«Ленин собрал много больших джигитов, и Тур-рар был с ними, и сделали они совет.

«Теперь никто не зовет нас: «киргиз-собака», теперь казак всемирный, теперь казак в школы пошел; теперь казак сам агроном будет, сам землемер будет...»

«И теперь кто не знает таггарского джигита Турара Рыскулова? Все знают—большой теперь человек в Москве Турар Рыскулов. И за морем знают его!

«А он не забыл казакский народ, велел много школ поставить и в Алма-Ата, и Кызыл-Орде, и везде велел землю дать джигитам, чтобы па-хали и голодомны не были.

«Не забил он и Джетмуз: велел потроить железную дорогу, чтобы каждый джигит шел на нее и на другой день без коня был в Москве и сколько угодно смотрел Ленина».

Совсем темно стало. Совсем утонули фигуры в мягких мехах ночи, и только кое-где на фоне мерцающих костров вырисовывалась скуластый профиль или качающаяся шапка джигита с кит-очкой.

1) Нужно помнить, что название «казак» укрепилось после революции за киргизским народом. в Джанур — рана от седла или хомута.

На бу... е в брод через горную реку. Буйвол—единственное богатство казахской бедноты

Ганияка будет агрономом Чесобь—малдушеские таких песен—будет о чем «мать». Ганияка теперь так много думал, что не вывел ни «цадков, ни баранов.

И когда явчел он «читать и пропеть, посадили его на корову, а старий «цсел на бына (а лошади у них не было), и поехали и зьма-Ата—в школу.

Но там было так много бромовых Ганек, которые не хватало места! И Гани никак не приими-мали: «подожди, говорят, до другой «осени. Но Ганек всех плакал Гани и был он беднее всех—пожалел его что ли, только принял.

Летом приехал Гани на джельяв в русской одежде и често вымытый. И все смотрели на него с уважением.

Но приехал также на джельяв Мурулбек с то-варищем из самой Москвы, и видел Гани, как слу-шали все в ауле, когда они рассказывали про Москву и про себя и читали газету.

Видел также Гани, как ругались Мурулбек от-цом за то, что сын заставлял отца снять рубаху, чтобы выстричь ее, и весь аул собрался на таму-шу 4, и старики ругали Мурулбека, а отец все-таки потом послушался его. И как он атав заставлял каждый раз чаши мать, чего никогда раньше не де-лалось в их юрте и во многих других юртах. И видел, как объял Мурулбек войну вшам, которые были и в кошмах, и в одежде, и в головах.

И еще много интересного видел Гани, наблю-дая за Мурулбеком и его товарищем.

Мурулбек учился на агронома. Гани решил быть агрономом во что бы то ни стало.

Он завял об этом родителям и, не дожидаясь согласия, в этот же день скрылся из аула.

В Алма-Ата есть Казинпрос (Казакский Ин-ститут Просвещения).

Гани держал туда экзамен.

Гани будет агрономом.

1) Тамаша—забава, развлечение.

Вспомните, и вы увидите в густой массе киргизов, собравшихся на празднество скачек, охоты и коварды царских вероисповедий. Снимок сделан в 1904 году

«Долго прятался по горам Рыскул, бичора его прятала, потому что любила его бичора за то, что ругал он баяв и белого царя. Но поймали Рыскула бай и отдали полицияским.

«Тогда заковали Рыскула с сыном в цепи у углаи далеко, далеко в ту сторону, где не бьет солнца и не бывает лета, а бывает только холод, снег и ночь.

«Много мерзали они там и много плакали. И много рассказывал Турару Рыскулу. Большой и чужой живой дал Рыскул, а все учил он сына,

НА АЛМА-АТИНСКОМ ТРАНТЕ: Обоз с керосином в пути от Ташкента в гор. Фрунзе

НАРОД, У КОТОРОГО УКРАЛИ ИСТОРИЮ

Н. ПОГОДИН

Впервые в моей жизни я ехал в заграничное путешествие... на Волгу, в Чувашскую республику. Это тогда меня интересовала история, культура в Германии или Турцию. Берлина я и видел и не был в Ангорю, но я много читал о слайдах о Берлине, так много, что знаю, на каких улицах помещаются «знакомые» мне кафе... Фюрор Шаллинг рассказывает в своих записках, что до того полюбил союзникам в Париже, что в детстве по романам, что, впервые приехав в этот город, почувствовал там себя своим человеком... Вот видите! А что я знал о чувшах? Какое представление имел об их городе Чебоксары? Чебоксары в действительности в Париже не, но мне труднее заблудиться в Берлине, чем в Чебоксары. И многие из наших читателей с закрытыми глазами укажут на карте Европы Париж и с трудом будут искать на карте СССР Чебоксары.

Очень плохо мы знаем наш Советский Союз... А как это интересно, как это поучительно совершить вот такое заграничное путешествие в страну, совершенно неведомую... Мне было очень интересно. Ночь Луна зашевелила мерцающим светом и смотрит на белые равнины, как через матовое стекло. В воздухе зеленая дымка, зеленые тени и глубокое предвечное молчание. Нам дали какие-то тяжелые маляшки. Наш гостеприимно усилили в лесу. Нам пересказали о старике-чужаки и проинтервью крикнул:

— Ала!
Гортанным азиатским криком. Лошадь, впряженная шугом, понесла легкие санки стремительно по дороге. Старик-чужак, мой конница обернулся, сказал дружелюбно:

— Деркался и горестно соображал: «70 верст пути и всю дорогу держаться». От ст. Канаш, что лежит в Канаши, нужно было переехать всю республику до берега Волги, где стоит Чебоксары. Железная дорога нет, наступала распушница — время удачное для побоях передвижения. Мы нарочно выехали после полнотчи, чтобы «морозца» переждать какому-то речку, которая уже не впадает в море. А мик-особенно. Вот мы и в этой реке. С акробатической ловкостью юные стрелки спускаются под крутую гору... река две минуты и уже по пойму, едем ли мы по дну или плывем... в санях юны. Старик говорит: — Не бойся, гладыш, не бойся, ничего не будет, здесь вчера они баба, один мужик—тонил. Эдак успел меня и благополучно переправил на другой берег, где олята на передних санях во всю мочь кричат чужаки:

— Ала!
Дошадь несешь, припалак к земле. Я держался... Луна, беленая, гасла в синеватом тумане. Равнины, белые и голубые, приобрели новые оттенки и синие краски. С востока полыхало юное туманное утро... Спускаюсь... С востока мот путь видно, будто белое покрывало полей испещрены огромными изгибами проталин... Вот тебе выину чернет платно, а дальше еще и еще... [вздох запад земли и далекий собачий лай]. Эх деревни. Но так много деревень! Чуть в одну версту деревня. Значит—малоземелье и нищета.

— Не так ли, старик?
— Так, так...—отвечает мне он,—плохо. Нету же ни...
После я это узнал, но рассказую теперь. По традиции, введенной Петром третьим, русский престол вместе с прочими народами, «потенци-

ально неблагонадежными», гнут и давят чужаками национальность, вполне сознательно и планомерно держал курс на выроднение и вымирание чувшаев.

История чувшаев полна трагедии. Не ладили они с Москвой и не ладили с Петербургом. Некогда были «элементом сильным» и настолько сильным, что удостоились благосклонного внимания Петра, который «всерьез» здесь обработку металлов, сузил до туземных предельно научное производство, опасаясь экономического укрепления края и последующих политических процессов. Чувшам буйствовал, ходили по Волге с Пушечным... Кончилось восстание великим внутренним нации и ужасным режимом, введенным в краю.

С тех пор русский представлялся чувшам человеком, который страшнее зверя: медуза можно оббить, медведь может не тронуть. Русский халат чувша на порог, вояк в город и палачу. Палач рубил голову чувшам. За что? За то, что он не русский. В каждом городе сидел всевозможный своим людям неправым оулом, со своим палачом. Со своими буйными, ходили по Волге с Пушечным... И казнить чувша было необходимо. Поймать и отрубить голову—другие смиренные будят.

Таков исток «национальной политики» царского правительства в этих краях. В последующем своем развитии эта политика от зарварского тюрра перешла к меркам эволюционного угнетения, что было не менее ужасно, чем толпы палачей... В шарствование последнего русского царя стала вымирать народ. Народно встречались чувши пренежного типа, широкоплечие, высокие ростом, сильные люди. Земли не было, и люди на поколения в поколение вымирали в поруду слабогрудых, низкорослых, малых и робких. Исчезла песня. Рос туберкулез и трахомат развела глыба язвы.

Земли не было.
И вот первое кино плывут кино за другой черной без конца. Перелес, лес и сарай. Часам, который бы не был тронут сохой... А я-то думая, что чувшам живут среди бескрайних степей с каким-то своим животным миром. А я-то думал... Мы не знаем своего Союза Республик.

Часов в 11 утра издрогние до костей. Мы были в городе Цивильск. Город это или бывшая деревня? То и другое, но дугое, деревня-большая в Цивильске. Город живет землей, а так как земля очень мало, то и живет город жизнью малоземельного глухого села.

Дальше те же дороги, речушки и деревни, деревни без конца. Перелес, лес и сарай. Часам с четрым для мы в «хали» в Чебоксары, где стоял громкий шум суботних колоколов.

Здесь 17 церквей и несколько монастырей. Когда-то на 17 часов божных приходилось три тысячи жителей. Православие работало, починал «русской веры» являющийся народ. Царь приславил послы в чувшам, а чувшам в молельтах, был покорной овод... Чего нужно еще?

Палачи и попы свою историческую роль выполнили до конца.—Большое уже не буйствовал чувша, который русскому богу, поминал «благосверного царя»—бо «миного» на молитвах, был покорной овод... Чего нужно еще?

И этот город Чебоксары и все деревни чувшаев глядели на нас прошлыми веками. Двадцать

лет с его техникой и культурой совсем не искушены эти края. А когда-то чувшам обогнали культурные центры империи в развитии своих искусств и промышленности.

Теперь нужно извернуть утраченные веками, прежде всего как-то разрешить земельную проблему, начинать культурное строительство, пробудить и развить самостоятельную национальную жизнь жизнедеятельности народа.

Задвигая экономическую это некого славный народ повсюду свое историю. У него выскользнула из-под ног историческая база, на которую опирается национальное самосознание. В быту это означает, что чувша с завистью смотрел на русского, а русский его называл:

— Ты чувша!
И чувша думал: «Что-но, наверно так». И вдруг теперь над чувшаев нашей взошло ее солнце... Чувши сникли. Ему это неприятно, радостно и божно. Он—гражданин. У него республика. У него свой преводатель Центрального Исполнительного Комитета—чувша.

Над нашей взошло солнце, и народ ушел, какой он белый, темный, отсталый народ! Лишь рачично заробатала национальная мысль. Поляны культуры силы. Из деревни стали выходить чувшаевские поэты с немными песнями на родном языке. Я полагаю на какую-то конференцию писателей. Везде же было чувшаевской мысли. Сегодня—назр писател, которые намечают пути своего чувшаевской литературы.

Мне крестьянин старик, в лаптях и вилупе читает свои стихи. Красиво звенит звуну чужого языка.

— Я о птицах пою в этой песне,—говорит он,—птицы счастливые люди... Люди могут стать счастливыми птица. Я об этом пою. Ты меня понимаешь?

Да, я его понимаю. Но и другие я понимаю, долго наблюдаю за ними: старик 57 лет. На 88-го году своей жизни он залел, постиг чудесную красоту ритма, узнал, что чувшаевский язык имеет отклик в языке песни. Он читает в деревне свои стихи крестьянам и они плачут и смеются. И изливается—их ли это язык? Старик-поэт, запевший так поэзию,—это живой символ преобладающих творческих сил нации.

Меня ведут в музей. Впервые чувшам собирают свое старину. Собирают старина. Изумляют вышаны. Сколько поэзии и художественного вымысла в этих старинах экспонатах.

— Жаль,—говорит,—рецепты красок утеряны. Нельзя красил народ своим способом. Вот рисунок. Ему лет триста, а краска, видите, совсем не выцвела.

Огромный деревянный плуг, который возили шесть лошадей, показывает явное ушедшее в историю богатство этого народа. Искусство резьбы чувшаевских мастеров-резчиков по дереву. Богатый вымысел они выдвигали в свои работы. Чем полнее просматриваются экспонатов, тем белее они. Этот музей наглядно рисует историю чувшаевского народа, с каждым десятилетием сокращение к оскудению и убожеству.

Но теперь взошло солнце... мрачное прошлое ушло, как сырть туман в поле... В театре она на другой присходит конференции. Говорит много и жарко и это не плохо.

Учитель, чувша из деревни, напомнил мне, улыбаясь:

— Триста лет молчали...

УДМУРТСКИЕ МОТИВЫ

Стихотворение Кузубая Гера¹

Я ни разу не видел море,
Я ни разу не видел юг,
И, мне кажется, в синем просторе
Я вижу лишь поле и луг.

Говорят, что оно красиво—
Как живое, дрожит при луне...
Но милей мне родные нивы,
Ступа цепей на удмуртском гумне.

Что там волны упрети в дыки,
Чайки в небе, как белый снег,
Но милей мне поляны с повиликой,
Облака в голубой вышине.

Мой курорт—наши вотские гурты,¹
Мое море—просторы полей,
Жде в волнах, точно в море, удмурты
Гнут свои хлеб, пригибают к земле.

Наше поле не хуже моря,
И красней его в сто раз,
Жде колосья, с ветрами споря,
Гнутся, бьются с зари с утра!

Наше поле весной голубое...
А потом, как начнет цвести,
В бледно-желтом тумане покое,
Ждет поры, чтоб зерно принести.

А нальетесь колос, созреет,—
Станет ярким, как яркий день,
Золотыми бригатами вет
В берегах голубых деревен...

Я ни разу не видел море,
Я ни разу не видел юг,
И, мне кажется, в синем просторе
Я вижу лишь поле и луг.

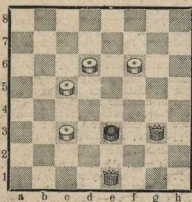
¹ Кузубая Гера — поэт вотского народа. Вотика (так и называемая Удмуртская литература) имеет уже более чем столетнюю историю. Но в революции она была загнана в подполье.

¹ Деревня

Задача № 1

В. ШУМИЛИН (Краснодар).

Печатается впервые

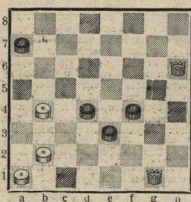
Белые: Д е1 g3; пр. с3, с5, d6, f6.
Черные: пр. e3.

Белые начинают и запирают простую черных.

Задача № 2

Н. БОГАТОВ (Ново-Сибирск).

Печатается впервые

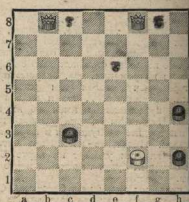
Белые: Д. g1, h5; пр. a1, b2, b4.
Черные: пр. a7, d4, e3, f4.

Белые начинают и запирают 2 простых черных

Этюд № 4

Н. И. ШЕЛОМЕНЦЕВ (Москва).

Печатается впервые

Белые: Д. h8, f8; пр. f2.
Черные: пр. с3, h2, h4.

Белые начинают и выигрывают

ПАРТИЯ № 6 КОЛ.

Большой Московский турнир-чемпионат 7 июня с. г.

С. Воронцов (Белые) Л. Поляков (Черные)

1. с3—d4	b6—a5
2. d4—c5	d6—b4
3. a3—c5	f6—g5
4. b2—c3	g5—h4
5. g3—f4	g7—f6
6. c3—4	f6—g5
7. e5—b6	a7—c5
8. d4—b5	a5—b4
9. b6—a7	e7—d6
10. d2—c3	b4—d2
11. e1—c3	d8—e7
12. c1—d2	h8—g7
13. a1—b2	g7—e7

Ход, проигравший партию.

Следовало играть 13. d6—c5.

14. b2—a3 d6—c5

После анализа положения мы пришли к заключению, что никакие другие ходы не спасают черных. Ход в партии дает белым блестящий выигрыш.

15. a3—b4!!

16. c3—b4

17. f4—e5

18. d2—c3

19. e3—f4

20. f2—a1

c5: a3

a3: c5

f4: d4

d4: b2

g5: f4

g4: c1

ХРОНИКА

Закончился Большой Московский турнир—чемпионат, 1 приз и звание

чемпиона Москвы получил Н. А. Кукуев — 12½ из 17, П. Л. Потапов — 12, П. С. Воронцов — 11, IV, V — А. Бородинский и Д. Гинзбург по 10. Всего участвовало 18 человек.

РЕШЕНИЯ

Этюд № 1 А. К. Мишин

(Вел. пр. e7, d... Черн. пр. f4, f6, Выиграли). 1. e7—d6, f6—e5 (1... f6—g5; 2. d8: h4, f4—e3; 3. h4—e1); 2. d8—g5!, e5: e7 (2... f4: h3; 3. d6: f4); 3. g5: c1, e7—d6; 4. c1—b2 и выигрывают.

Решения прислал А. Гипсис (Херсон), В. Остроумов (Уфа), С. Мо-

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Э. Ваку (Житомир). Нам кажется, в присланной вами партии, в конечном положении после 30 хода белых (Бел. пр. e1, g7; ч. пр. b4, c5, d6), черным еще рано сдаваться, а лучше проломать 30... d6—e5 с полной возможностью достигнуть ничьей.

Н. Богатов (Ново-Сибирск). Благодарим за присланный материал. В этюде возможно кроме 1. c5—e7 играть также 1. c5—f2, g5—f4; 2. f2—e5 и т. д., что, конечно, является существенным недостатком. Постарайтесь исправить. Ждем еще.

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ ЦК ВЛКСМ

Москва, Центр, Новая пл., 6

НОВАЯ КНИГА БЕРГМАН, Г. ОТДЫХ ЛЕТОМ С предисловием Н. Семашко

Содержание: Как мы отдыхаем. Что дает лето. Дни отдыха. Лигерный отдых. Туризм. Отдых и физкультура. Отдых и работа. Подготовка к отдыху. Лоды. Организация и самостоятельность. Целевые лета.

«Гигиенических руководств мы имеем много. Теоретических рассуждений о пользе лета, о значении солнца, воздуха и воды—сколоало угодно. Важно дать конкретные, практические указания, как использовать лето и летний отдых.

Это делает тов. Бергман на основе учета громадного опыта. И в этом основное значение книги, которую нужно рекомендовать наиболее широко кругу читателей и, прежде всего, молодежи» (Из предисловия Н. А. Семашко).

С иллюстрациями. 111 стр. Ц. 50 к.

В ПОМОЩЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКУ

ИППОЛИТОВ, П. ВЕЛОСИПЕДНЫЙ СПОРТ

С 13 рис. 126 стр. Ц. 65 к.

ШЕРШТОПЕРОВ, Я.

ЛОДОЧНЫЙ СПОРТ С 9 рисунками. 48 стр. Ц. 35 к.

КАЛЬПУС, В.—Физкультура для всех. Популярное руководство по включению физкультуры в повседневный быт трудящихся города. Для молодежи и взрослых обоего пола. С предисловием Н. А. Семашко. 2-е издание, дополненное и исправленное. С 46 рис.

Руководство по физкультуре на дому». Гигиена быта. Описание физич. упражний. Подбор физических упражний: а) для работников канцелярского труда, б) для ответственных, сов. и парт. работников, в) для работников физич. труда. Библиография.

185 стр. Ц. 85 к.

ПИОТРОВСКИЙ, Е.—Эбе и его ответственный метод физического воспитания. 2-е просмоторное и дополнительное издание. С 221 рис.

«Работа тов. ПиоТРОВСКОГО может послужить пособием и педагогическим обоснованием летних видов физических упражний и хорошим дополнением единой советской системы физкультуры».

(Из предисловия председателя Научно-учебного комитета ВФФК А. Зюкумля).

163 стр. Ц. 50 к.

Вниманию физкультурников:

Издательство «Молодая Гвардия» принимает на себя снабжение спортивными принадлежностями и инвентарем из следующих пунктов: Ростов и Д. Просп. Пудальского, 15, склад над-ва «Молодая Гвардия» Свердловск, ул. Ленина, 40, редакция «Молод. Гвардия»